ДМИТРИЙ ГУТНОВ

Популярный обзор русской истории: VI — XVII вв.

ИЗДАНИЕ 2-Е, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Дмитрий Гутнов

Популярный обзор русской истории: VI—XVII вв. Издание 2-е, исправленное и дополненное

«Издательские решения»

Гутнов Д.

Популярный обзор русской истории: VI—XVII вв. Издание 2-е, исправленное и дополненное / Д. Гутнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900288-4

Данная книга представляет собой второе (исправленное и дополненное) издание одноименной книги, опубликованной издательством Ридеро в 2015 г. В живой и увлекательной форме излагаются основные события отечественной истории VI — XVII вв.Книга адресована студентам вузов, учащимся старших классов общеобразовательных средних учебных заведений и вообще всем, кто интересуется русской историей.

ISBN 978-5-44-900288-4

© Гутнов Д.
© Издательские решения

Содержание

Актуальность прошлого 6
Глава I. Исторические науки 18
Глава II. Накануне русской истории 28
Глава III. Образование Древнерусского государства 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Популярный обзор русской истории: VI—XVII вв. Издание 2-е, исправленное и дополненное

Дмитрий Гутнов

© Дмитрий Гутнов, 2018

ISBN 978-5-4490-0288-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Актуальность прошлого
(Вместо предисловия)

Вы держите в руках книгу, озаглавленную «Популярный обзор русской истории». Она возникла из лекций, которые мне довелось читать студентам нескольких гуманитарных вузов и в некотором смысле служит их продолжением. Несмотря на то, что лекции эти частично уже существуют в печатном виде[1], однако же их печатание еще не закончено, а тираж вышедших выпусков настолько мизерный, что не дает возможности удовлетворить потребности и малой части той аудитории, которая в них нуждается (прежде всего для того, чтобы сдать экзамен или зачет по моему курсу). Чтобы помочь своим слушателям, я запустил несколько оцифрованных копий этих лекций в интернет, однако же многочисленные вопросы тех, кто ознакомился с ними и желал бы приобрести книгу в печатном (или электронном) виде, свидетельствуют, что этого явно недостаточно. Поэтому я воспользовался возможностью, любезно предоставленной издательством Ridero, чтобы в несколько переработанной форме удовлетворить имеющийся спрос (а может, и расширить свою аудиторию).

Коль скоро мы начинаем с вами говорить об истории, то моим естественным желанием является начать его с определения того, что станет предметом всего последующего изложения. Итак, первоначальное значение слова «история» восходит к древнегреческому термину, означавшему «расследование, узнавание, установление». История отождествлялась с установлением подлинности, истинности событий и фактов. То есть к представлению о некой специальной науке о прошлом такой взгляд имел довольно опосредованное отношение. Заслуга того, что «историей» стали называть рассказ о прошлом принадлежит уже римской традиции. С тех пор обсуждаемым нами термином стали обозначать либо рассказ именно о прошлом, либо вообще всякий рассказ о каком-либо случае, происшествии, действительном или вымышленном. Это положение дел сохранялось довольно долго и лишь в знаменитой «Энциклопедии», изданной в XVIII в. французскими просветителями, помимо перечисленных двух определений этого слова впервые содержится и упоминание об особой науке, ставящей своей целью изучение прошлого.

За вот уже три века, истекшие с того времени, данное определение мало изменилось по существу, хотя и существенно конкретизировалось. Так, последнее определение истории как науки, опубликованное еще в Большой Советской Энциклопедии и, в общем, без особых изменений перекочевавшее уже в Российскую Энциклопедию, трактует историческую науку как *«Комплекс общественных, гуманитарных и других наук (историческая наука), изучающих прошлое человечества во всей его конкретности и многообразии. Исследует факты, события и процессы на базе исторических источников. Принято деление на всемирную (всеобщую) историю и историю отдельных стран и народов; историю первобытного общества, древнюю историю; средневековую, новую и новейшую историю. Отрасли: экономическая история, военная история и др.; историография; источниковедение. Органические части истории как комплекса наук – археология и этнография. История различных сторон культуры, науки и техники изучается историческими разделами соответствующих наук (история математики, история физики и т. д.) и видов искусства (история музыки, история театра и т. д.). История входит в группу гуманитарных наук, изучающих регионы (африканистика, балканистика), народы (синология и т. п.) или группу народов (славяноведение)».*

[1] См.: Гутнов Д. Лекции по истории России. Ч. 1. VI – XIII вв. М., Ф-т журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 2015; Его же. Лекции по истории России. Ч. 2. XIV – XVI вв. М., Ф-т журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. 2016.

Столь внушительный перечень задач и целей, которые ставит перед собой современная историческая наука, может поставить неподготовленного человека в тупик. Думаю, что примерно то же ощущают сейчас многие из вас. Здесь я попытаюсь ограничить безбрежные просторы, которые раскрываются приведенным выше определением, некоторыми рамками.

Итак, с какими же силами приходится иметь дело и учитывать в своих штудиях историку? Строго говоря, эти факторы делятся на две большие группы: антропогенные и природные.

Изучая прошлое человечества, мы, конечно же, прежде всего, имеем дело с многообразными формами существования, зарождения, функционирования, подъема, упадка, разложения, смерти, и т. д. человеческих обществ. Все продукты деятельности именно человеческого социума, будь то политические, социальные, экономические или культурные отношения внутри социумов и между собой продуцируют те события и явления, из которых состоит человеческая история. Тут надо иметь в виду, что по мере усложнения человеческого общества, а также роста разнообразия задач, которые люди перед собой ставят, набор этих «антропогенных» сил, формирующих человеческую историю, постоянно увеличивается. Так, ныне, как вы знаете, на развитие человечества большое влияние оказывают техника, информационная среда, экономика и пр. И все это, по необходимости, становится источником для изучения истории.

С другой стороны, на поведение человека в прошлом и настоящем существенное влияние оказывают и «внешние» факторы его жизни: природные условия существования, климат, наличие полезных ископаемых, плодородие почв, наличие воды и пр. Долгое время, согласно крылатой фразе классика отечественной селекции И. Мичурина: «Нам нельзя ждать милостей от природы. Взять их – наша задача», считалось, что по мере прогресса технической цивилизации роль климатических и природных факторов в человеческой истории все более уменьшается. А при изучении новейшей истории человечества этим фактором и вовсе можно пренебречь. Однако печальные события начала XXI века лишний раз доказывают самонадеянность человечества. Опустошения, привнесенные в США ураганом «Катрина», почти состоявшаяся техногенная катастрофы на АЭС «Фукусима-1», начало которой положило цунами, и другие примеры показывают, что природные факторы все еще в большой степени определяют ход мировой истории. Достигнутый к началу XXI века уровень человеческой солидарности и взаимопомощи может помочь сгладить последствия природных катастроф, но, увы, не позволяет предотвратить их. Более того, развитие цивилизации в современных нам формах пренебрежения к природно-климатическому балансу планеты будет их провоцировать.

В прошлом же зависимость человека от природы была еще более высока и только усугублялась подобными катаклизмами. Приведу несколько примеров, о которых в данной связи уместно вспомнить. 24 августа 410 г. готы под предводительством короля Алариха захватили Рим. Это событие было первым предвестником скорого падения Римской империи. Но в данном случае дело не в этом. Перед тем как штурмом взять город, Аларих подверг его изнурительной осаде. При этом ему удалось захватить порт Остию и все продовольственные склады за стенами Рима. Высланные римлянами парламентеры дважды договаривались с Аларихом о мире и выплате ему баснословной по тем временам дани в золотых слитках. Однако варвар не стал ждать. После того как его армия съела все имевшееся наличное продовольствие, король бросил войска на штурм Вечного города. Как сообщали немногочисленные оставшиеся в живых свидетели, в ту роковую августовскую ночь при блеске молний и раскатах грома варвары, одетые в медные панцири и звериные шкуры, бесчинствовали на улицах Рима три дня – грабили, жгли, убивали… Примечательно, что к ужасу очевидцев, пришельцев вовсе не интересовали сокровища и драгоценности, которыми обреченные горожане пытались купить себе жизнь. Их интересовала… еда. После учиненного разгрома готы, соединившись с вандалами, смерчем прошли через всю южную Италию, переправились на Сицилию, а оттуда в современный Тунис, где на территориях бывшего Карфагена основали свое Вандальское королевство.

Встает вопрос: почему вандалы были так агрессивны? Почему они не дождались выкупа, который Рим был готов им заплатить? Почему они основали свое государство именно в районе бывшей римской провинции Африка? Без учета палеоклиматических реалий убедительно ответить на эти вопросы трудно.

Конечно, вандальские, как и готские, племена были дикими и не умели добывать себе пропитание иначе как военным грабежом. Они не знали, как работать, чем работать и, скорее всего, не считали труд добродетелью. Но это не вся правда. Правда и то, что, согласно сведениям самих римских историков, период конца IV – начала V вв. выдался в провинции Галлия холодным. Урожайность местных полей в начале V в. год от года падала. Многие жители провинции перебирались на юг, собственно в Италию, чтобы пережить трудные времена. Вандалы и готы, вероятнее всего, под давлением тех же обстоятельств двинулись со своего прежнего места обитания в Паннонии, достигли Галлии в начале V в. и в 409 г. вконец разорили ее. Ну а затем настал черед Италии. Так что в отсутствие Организации продовольственной безопасности ООН (ФАО) голод в те далекие времена имел гораздо более очевидные опасности для истории цивилизации, нежели сегодня. Впрочем, недавние события, связанные с «революцией» в Ливии, показывают, что еще немного и новые вандалы двинулись бы в обратном направлении под давлением тех же обстоятельств, с не меньшим успехом.

Но почему же вандалы образовали свое королевство на месте Карфагена? Если смотреть опять же с точки зрения эксперта ФАО, как мы это делали с вами в первом случае, то следует иметь в виду следующие обстоятельства. На наскальных рисунках людей каменного века, найденных в пустыне Сахара еще в 50-е гг. XX в., очень рельефно показано, что люди охотились на животных, ареал обитания которых не является пустыней. Более того, рисунки показывают нам ловлю людьми рыбы, плавание на лодках и пр. Отсюда уже полвека назад был сделан вывод, что наиболее известная африканская пустыня 5 тысяч лет назад была вовсе не пустыней, а плодородной равниной. Более того, древнеегипетская цивилизация не смогла бы возникнуть на тех местах, где сегодня мы находим ее основные артефакты, не будь там совершенно другого климата. Столь грандиозные сооружения, единовременное пребывание, работа, молитвы в них и вообще жизнедеятельность столь внушительного числа людей предполагали наличие большого хозяйства, которое могло бы обеспечить эту цивилизацию пропитанием. Как свидетельствуют римские, а затем и византийские источники, именно Египет длительное время был житницей всей Малой Азии, а затем Римской империи и наследовавшей ей Византии. Еще в VI в. в навигацию из порта Александрия ежедневно до двухсот груженных зерном кораблей брали курс на Константинополь и прибрежные города Малой Азии и южной Италии. И это было одним из важных экономических опор процветания и Рима, и Византии. Однако в полном соответствии с известными словами царя Соломона «Все пройдет. Пройдет и это», со временем египетская земля стала оскудевать.

Есть серьезное подозрение (впрочем, недоказанное), что этот процесс имеет рукотворную природу. Благодатный климат и плодородие местных почв привлекали в долину Нила и на африканское побережье Средиземного моря массу новых переселенцев. Население росло, а вместе с этим распахивались новые земли. Сопровождавшая этот процесс вырубка лесов приводила к эрозии почв и к изменению природно-климатического баланса в целом. Участились засухи. Подземные воды, питавшие благополучие здешних мест, стали истощаться, и ныне пустыня Сахара, по подсчетам географов, расширяет свои пределы со скоростью до 3 кв. км в год. Кстати говоря, Египет ныне является одним из постоянных экспортеров зерна из России. Как вы понимаете, даже если старт этим процессам дал человек, причина смены такого тренда лежит в конечном счете именно в изменениях климата или геологических процессах, нежели в заговорах врагов.

Совсем недавно появились сообщения о том, что международная группа ученых, занимаясь бурением скважин в Алжире, обнаружила под Сахарой на глубине где-то 2 км огромный

массив воды. Практически море. Отсюда появилась идея, что именно воды этого моря, некогда более полноводного, нежели ныне, питали благосостояние египетской и следовавших за ней цивилизаций. Что случилось затем – пока никто не знает. Однако пример этот вполне красноречиво показывает нам, насколько тесна связь между антропогенной и природной составляющими нашей цивилизации.

Позвольте не касаться здесь столь очевидного вопроса, как зависимость между изменениями природных условий и эпидемиями, пандемиями и прочими напастями микробиологического характера, с которыми ныне с переменным успехом борется современная медицина и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). И тут человечество в значительной степени не защищено. Достаточно вспомнить наши текущие попытки обуздать эпидемию лихорадки Эбола. В прошлом же за отсутствием такой защиты происходили существенные изменения в функционировании человеческих обществ. Скажем, голод 1603—1604 гг. и начавшаяся вслед за тем эпидемия чумы привели к Смуте в России, что в свою очередь самым непосредственным образом повлияло на смену правящей династии и существенно сказалось вообще на истории русского государства в XVII в.

Совершенно очевидно, что все эти факторы развития, будь то антропогенные или природные, образуют между собой миллионы различных взаимосвязей, которые и формируют человеческую историю. Первым подобную модель видения прошлого предложил французский философ и основатель современной социологии Огюст Конт (1758—1857). Она получила наименование «теории факторов» и стала одним из краеугольных камней новой философской доктрины позитивизма. Причем сам Конт искренне полагал, что человеческому сознанию и познавательным способностям вполне по силам разобраться в хитросплетениях этих «факторов» и предложить на основе этого знания своего рода каталог важных и не важных, объективных и субъективных факторов и типов их связей друг с другом. На основе такого анализа О. Конт планировал создать новую «очищенную» историческую дисциплину – науку об общих законах развития и функционирования человеческого общества в чистом виде.

Эту науку он и назвал социологией. Он, между прочим, хотел сделать социологию практической наукой и создавать на основе открываемых ею законов новое общество. В этом смысле он был предтечей коммунистов. Да и место, где он хотел проводить свои эксперименты было то же – Россия. Где-то на рубеже XX и XXI вв. в Российском государственном архиве было найдено и опубликовано письмо О. Конта императору Николаю I, раскрывающее перед русским монархом ослепительные перспективы строительства нового общества. Спасибо, что в силу своей хрестоматийной консервативности русский император не повелся на это заманчивое предложение. Последователям Конта пришлось обратить свои взоры на Южную Америку, где они в стремлении построить лучший мир приняли участие боливарийском движении, революции в Бразилии и пр.

Но надежды первого социолога не оправдались не только в этом конкретно прикладном проекте. Несмотря на вот уже полуторавековые усилия теоретической социологии и других отраслей этой науки, вооруженные методиками измерения общественного мнения, использующие в своих исследованиях суперкомпьютеры и прочие хитроумные приспособления, изобретенные за истекшее с той эпохи время, мы не в состоянии просчитать всего многообразия этих взаимосвязей. Поэтому, по крайней мере пока, познание истории опирается на более локальные теории, ставящие во главу угла тот или иной фактор общественного развития или их комбинации. Так, российская общественная мысль на протяжении практически всего XX века развивалась под воздействием теорий экономической обусловленности исторического процесса, известной как «марксизм». У этой теории, несмотря на то, что она была создана в 40-х гг. позапрошлого века, и поныне сохраняется положительный потенциал. По крайней мере после начала последнего экономического кризиса 2008 г. в мире вновь, впервые после 1991 г., был зафиксирован рост продаж основного труда Маркса – «Капитал». Произошло это именно

в силу того, что описанные там законы и мотивы поведения бизнеса в условиях экономических потрясений и сегодня в основе своей остаются прежними (или меняются крайне медленно). Хотя вытекающие из этого труда политические выводы, которые сделали К. Маркса основателем Первого Интернационала и главным символом коммунистической революции, с позиций последующего социально-политического опыта человечества очевидно должны быть оспорены.

В разные исторические эпохи обществоведы склонялись к преобладающему влиянию в историческом процессе разных сил. Поначалу это был божественный промысел, действия отдельных личностей и героев, которыми, в сущности, проще всего было объяснить эволюцию человечества. Затем настал черед политических институтов (теория «естественного права» и многочисленные последующие «государственнические» теории). Некоторое время в ходу были упования на культурный прогресс и поступательное научно-техническое развитие («теория прогресса»). Затем – эволюция человеческого общества и личности (теории социальной антропологии); развитие коммуникаций и средств общения (теория информационного общества) и пр. Каждая из этих теорий внесла или вносит свою лепту в понимание прошлого, однако пока какой-то универсальной, признаваемой всеми теоретической модели исторического развития не найдено.

Тут я перечислил довольно много различных вариантов теорий исторического процесса. Их всех объединяет то обстоятельство, что они признают принципиальную познаваемость истории человеческим сознанием. Полагаю, что в данной аудитории мне не надо комментировать иные точки зрения, ибо в противном случае если признать, что история непознаваема, то мы неизбежно придем к заключению, что и сдавать ее в конце учебного года тоже вроде как не надо.

Как-то один наш известный соотечественник, знаменитый иммунолог, коллега Луи Пастера и одно время сам директор Пастеровского института И. И. Мечников заметил в сердцах: «Человеческая история, лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысленную смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мировоззрения».

И это действительно так! Именно сознание человека выявляет в этой, в общем, случайной выборке событий и фактов важные и неважные, те, что свидетельствуют о наличии какой-то закономерности, наконец, описывает их в определенной последовательности и под определенным углом зрения. Этот угол зрения может быть совершенно различен в разные эпохи у разных групп людей и зачастую имеет совершенно различное значение в глазах разных поколений. Так, относительно недавний панк-молебен группы Pussy Riot на амвоне храма Христа Спасителя с высоты решений Трулльского собора 691—692 гг. квалифицируется однозначно как бесовщина и святотатство, искупление за которые можно найти лишь в Геенне Огненной. Прокуратурой же РФ образца 2012 г. оное деяние именуется не более как злостное хулиганство и кощунство, которое требует наказания тремя годами лишения свободы. Как говорится, почувствуйте разницу! Другое дело, что усилиями различных модераторов наше общественное мнение, как обычно, оказалось перед весьма искусственным выбором: если ты поддерживаешь приговор светского российского суда в этом, ставшим почти теологическом споре, значит ты – мракобес. Если ты сочувствуешь исполнителям панк-молебна – добро пожаловать в сатанисты. Отыскать истину в этих условиях чрезвычайно сложно.

Именно поэтому у человечества нет однажды и навсегда записанной истории. Каждое поколение с высоты своего опыта пытается историю переписать. В связи с этим появляется искус ее подкрасить и ретушировать, несколько облагородив неприглядность того, что было в «настоящей» реальности. А то и вовсе поставить с ног на голову.

Вот потому-то, кстати говоря, один известный наш историк, М. Н. Покровский, любил говаривать, что «история есть политика, обращенная в прошлое».

Он сам активно этим занимался в период 1921—1927 гг., когда СССР стоял перед перспективой сталинского «большого скачка» и разные там архаические дореволюционные трактовки нашего прошлого, по мнению высшего руководства страны, могли пагубным образом сказаться на ускоренном строительстве светлого будущего. Так что Михаил Николаевич знал толк в том деле, которое делал. Сейчас нечто подобное мы можем видеть в потугах наших западных коллег переписать историю Второй мировой войны, выставив главными победителями в ней не СССР, а себя, родимых. Делается это не из чувства уязвленного самолюбия, а по вполне осязаемым политическим причинам, о которых я скажу чуть ниже. Сменившееся за истекшие семьдесят лет с момента окончания войны поколение землян, которые в сознательном возрасте застали и пережили это ужасающее событие мировой истории, этому объективно способствует. Словом, как метко выразился в свое время замечательный французский мыслитель Д. Дидро: «В истории любого народа найдется немало страниц, которые были бы великолепны, будь они правдой».

Но означает ли это положение дел, что историю нельзя познать в силу пагубности человеческой природы, не способной учиться на собственных ошибках? Утверждать так было бы другой крайностью. Более того, именно достоверные исторические знания служат залогом нормального функционирования целых отраслей жизни современного общества. Например, в практической политике большое значение играет фактор прецедента. В тех случаях, когда проведение какой-либо процедуры или принятие какого-либо решения не описывается действующими регламентами или законодательными актами, обращаются к историческим прецедентам. Поэтому знание тонкостей политической истории не является плодом только досужего любопытства. Те же проблемы часто возникают при разрешении дипломатических споров. Так, оконченная в 2005 г. делимитация русско-китайской границы в числе прочего опирается на традиции подобной же делимитации, прописанные в целом ряде прежних соглашений с китайской стороной начиная с Нерчинского трактата 1689 г., впервые обозначившего границу между двумя странами. В том числе и на исторические прецеденты и традиции опираются разработчики новых законов и узаконений и пр.

Насущную потребность в исторических знаниях можно ярко проиллюстрировать на примере истории техники. Детальный анализ характера и причин крушений самолетов, судов, разрушений электростанций, мостов и пр., изучение влияния на эти катастрофы техногенных и человеческих факторов, по сути, напрямую служит спасению человеческих жизней в будущем. Все вы, конечно, знаете о катастрофе суперлайнера «Титаник» в 1912 г. Этот корабль по замыслу его создателей был не просто самым современным в мире. Он должен был взять «Голубую ленту Атлантики» – неофициальный приз по скорости преодоления Атлантического океана и удерживать его минимум лет десять. Но случилось то, что случилось. Гибель этого корабля-символа наступающего века привлекла к нему всеобщее внимание. Она дала сюжет для немыслимого количеств журналистских расследований, романов, киносценариев и пр. Как вы знаете, сюжет этот был экранизирован четыре раза, не считая документального кино. Много на эту тему было написано и исторических трудов. Эти исследования позволили по минутам восстановить хронологию развития катастрофы и вкупе с сугубо техническим анализом ее причин существенно скорректировать наши подходы к живучести современных океанских кораблей, разработать жесткие нормативы расселения пассажиров этого плавучего города, сформулировать правила поведения в чрезвычайных ситуациях для команды и пассажиров, определить требования к спасательному оборудованию и т. д.

И, кстати говоря, коли я тут вспомнил об этом, уроки «Титаника» оказались востребованными гораздо раньше, нежели вы думаете. Дело в том, что в 1909—1911 гг. на верфях в Белфасте строился не один, как это представляется современному читателю, а целых три однотипных корабля. Первый из них, получивший имя «Олимпик», стал рабочей лошадкой Атлантики и, без лишней помпы отплавав свой век, был благополучно разрезан на иголки,

кажется, в 1935 г. на судоверфях в Саутгемптоне. Вторым сошел со стапелей уже упоминавшийся нами герой будущих фильмов-катастроф. Но был еще и третий экземпляр.

После торжественного спуска на воду этот корабль получил было название «Гигантик», но в свете всего того, что произошло с «Титаником» кораблестроители решили не рисковать. Ведь, как известно, как назовешь корабль, так он и поплывет… Словом, получивший наименование «Британик», этот точный клон злополучного предшественника был спущен на воду 26 февраля 1914 г. А 1 августа началась Первая мировая война. Поэтому свежеиспеченному суперлайнеру пришлось вместо праздных туристов и путешественников заниматься перевозкой войск к различным театрам боевых действий и служить крупнейшим плавучим госпиталем английской армии в ходе этой войны. Перед поступлением на действительную военную службу корабль подвергся модернизации. Оценивая уроки катастрофы «Титаника», на «Британике» увеличили количество водонепроницаемых переборок и спасательных шлюпок. Для большей оперативности передачи получаемых радиограмм о навигационной обстановке по маршруту на капитанский мостик его соединили пневмопочтой с рубкой радиста, и кое-что еще, о чем нет времени и места рассказывать. Словом, с 1915 г. до весны 1916-го «Британик» совершил три рейса по эвакуации раненых в Дарданелльской операции.

Каждый из этих походов был отнюдь не безопасным, ведь в Средиземном море активно действовали немецкие подводные лодки. Затем в связи с временным затишьем на основных театрах боевых действий «Британик» не использовался, однако после начала Галиполийской операции союзников в 1915 г. он вновь направился в Средиземное море. Еще дважды он вывозил раненых с перевалочной базы союзников на греческом острове Лемнос, пока 21 ноября 1916 г. не подорвался на одной из вражеских мин и стал тонуть. Так вот, из-за грамотных действий экипажа, медперсонала и усовершенствований, произведенных на корабле по итогам уроков 1913 г., из общего состава этого плавучего госпиталя (а это 1134 человека экипажа и медперсонала, а также немногим менее 2000 раненых) погибло… 30 человек. Остальные были подобраны подошедшими к тонущему кораблю судами союзников.

Примечательно, что в той же самой степени знание прошлого важно для предотвращения катастроф социальных. Вот красноречивый пример. Император Николай II, не задумываясь, дважды наступил на одни и те же грабли, открывшие путь к двум русским революциям. Первый раз 9 января 1905 г. царь не захотел брать на себя ответственность за решение вопроса о том, что делать с массовой демонстрацией рабочих, которые хотели рассказать ему о своих тяготах. Он уехал в Царское Село, поручив во всем разобраться министрам. А для них отказ императора от встречи со своим народом означал одно – расстрел бунтовщиков. Как вы знаете, следствием этого поступка стала революция 1905—1907 гг. В схожих обстоятельствах февраля 1917 г., когда доведенные до отчаяния рабочие питерских предприятий вышли на улицы с требованием хлеба, царь в ультимативной форме приказывал военному губернатору Санкт-Петербурга генералу Хабалову «прекратить беспорядки». Неужели Николай II не понимал, каким образом будут истолкованы слова этого приказа его непосредственными исполнителями? С первыми выстрелами по демонстрантам в столице Российской империи началась Февральская революция. Этот пример, хотя и утрированно, но очень красноречиво показывает цену игнорирования исторического опыта в практической политике.

Однако же при этом он еще и демонстрирует всю ограниченность прогностической функции исторического знания. Принципиальных аргументов тут два. Первый заключается в том, что более или менее поддается ретроспективному предсказанию лишь система, обладающая постоянными физическими характеристиками, которые подчиняются известным и не изменяемым законам. Так, например, движение планет и светил подчиняется строгим законам небесной механики. Поэтому астрофизики могут, исходя из знания постоянства действия этих законов, вывести как представления о начале Вселенной, так и о ее конце. Человеческая история же являет собой «открытую» систему, в которой действуют субъекты, наделенные свободой воли

и выбора. И выбор, который они делают, не детерминирован никакими физическими законами (а законы человеческие часто попирает). Исходя из этого обстоятельства, человеческие поступки сплошь и рядом иррациональны и не поддаются сколько-нибудь ответственному прогнозированию. Скажем, подойди Николай II к решению о том, что делать с манифестантами в феврале 1917 г. рационально, – то есть с позиций полученного им ранее опыта – глядишь, и Февральской революции не было бы. А мы бы с вами сегодня гуляли на торжествах по поводу 400-летия Дома Романовых. Но он поступил вопреки рациональности. Вопрос почему (влияние императрицы, советников, плохой погоды или неудач на фронте) здесь не столь важен. В итоге случилось то, что случилось. И ныне мы отмечаем столетие Октябрьской (социалистической?) революции. Мне кажется, что что-то подобное думал Карл Маркс, утверждая, как известно, что «История повторяется дважды: сначала как трагедия, а затем как фарс».

Второй аргумент, подрывающий основы прогностической функции истории, был в свое время предложен английским философом и мыслителем Карлом Поппером. В своей работе «Нищета историцизма» он вполне обоснованно доказал, что для того, чтобы прогнозировать будущее, надо предвидеть те научные, а за ними и технические открытия, которые существенно изменят нашу повседневную жизнь и мир в будущем. Но, опираясь на историю, этого сделать принципиально невозможно.

Во-первых, говоря словами замечательного нашего поэта Федора Тютчева: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Скажите, кто из вас лет десять назад предполагал, какое место в нашей жизни будут играть социальные сети, которые были побочным продуктом появления интернета? Может, кто-нибудь предполагал, когда четверть века назад был создан лазер, что сегодня он будет считывать информацию с оптических дисков, передавать ее в оптико-волоконных кабелях, использоваться в медицине, в космической промышленности и пр.? То же можно сказать и о большинстве изобретений, сделанных в древности. Вряд ли безвестный изобретатель колеса понимал, ЧТО он изобрел и где его открытие будет применяться. Между тем его изобретение до неузнаваемости изменило мир и продолжает менять по сей день.

А во-вторых, даже в том случае, когда мы догадываемся, куда движется прогресс (а это бывает далеко не всегда), то сроки внедрения инноваций мы предсказать не можем. Вот вам простой пример. В силу экологических и сугубо экономических причин (колебания цен на рынке нефти) человечество уже давно и с успехом ищет замену двигателям внутреннего сгорания, особенно в автомобилестроении. И на этом пути сделано немало успехов. Мы представляем, что в будущем, скорее всего, люди будут пользоваться электрокарами или машинами с гибридными (а может, и водородными) двигателями. На международных автосалонах можно посмотреть прототипы этих машин, а компания «Тесла» уже выпускает вполне конкурентоспособные автомобили с электродвигателями. Но мир (пожалуй, за исключением Японии, где электрокары уже стали повседневностью) не спешит в массовом порядке переходить на новые средства передвижения. Почему?

Тут есть, конечно, и свои технические проблемы. Скажем, отсутствие в большом количестве электрических заправок или недостаточная емкость современных батарей. Но это проблемы решаемые. С другой стороны, известно, что переход на электричество и водород – это убийственная перспектива для целых отраслей промышленности, где работает немало людей и крутится много денег. Более того, отказ от широкого потребления нефти является смертельной опасностью для целых стран-производителей нефти. Грядущий технологический переворот способен привести к коллапсу целых регионов планеты, стать спусковым крючком к политическому краху режимов в этих странах (из-за сокращения поступлений от выручки за проданную нефть), привести к хаосу и нестабильности, примерно такой, которую мы наблюдаем ныне на Ближнем Востоке. Поэтому нефтяное лобби в течение вот уже четырех десятилетий целенаправленно тормозит развитие передовых и экологически более чистых технологий,

скупая патенты и финансово блокируя инновации, которые могут им повредить в будущем. Общемировая цена этих действий известна: повышение температуры на планете примерно на полградуса в столетие, что грозит нам экологической катастрофой в конце этого – начале будущего века. Поэтому, с одной стороны, эгоистическая линия поведения сторонников политики «нефтяной иглы» конечна и, я уверен в этом, в силу чувства самосохранения человечества, рано или поздно будет преодолена, а нынешние усилия ее адептов лишь отсрочивают кончину бензинового двигателя (хотя и не отменяют ее). Но, с другой стороны, предсказать точно, когда это произойдет, трудно.

О том, как наши потомки будут распоряжаться нашими сегодняшними открытиями, я даже предполагать не буду. Ясно только, что способы и области их применения сегодня предсказать невозможно. Но ведь все эти новации существенным образом изменят жизнь людей и мир в целом! Поэтому при всей привлекательности ретроспективных прогнозов с помощью изучения «исторических трендов» особой точности от них ожидать не приходится.

Тем не менее история всегда рассматривалась как один из важных предметов образовательного цикла. То, что «предупрежденный вооружен», прекрасно знали древние. Отсюда проистекает образовательная функция исторического знания. Конечно же, первыми курс исторических знаний проходили многочисленные наследники престолов, будущие цари и властители мира. Известно, например, что будущий Александр Македонский постигал азы наук, в том числе и истории, под руководством знаменитого философа Аристотеля. А Александр Невский в юности увлекался чтением «Александрии» – повести о победах и деяниях своего македонского тезки. Тот же В. О. Ключевский регулярно бывал в Ливадии и Царском Селе, где обучал наследников императора Александра III и т. д. Ну и потом, когда образование перестало быть уделом избранных и потихоньку стало распространяться на другие слои населения, история в той или иной форме в нем всегда присутствовала.

Особую мобилизующую роль исторические знания всегда играли на крутых поворотах истории – при проведении реформ, революций, ведении войн, которыми было так богато Новое время. Тут надо помнить, что как любая гуманитарная наука, история несет и громадную идейно-воспитательную нагрузку. Что может более сплотить нацию, нежели констатация общего исторического пути и общей исторической памяти? Здесь мы сталкиваемся с воспитательной функцией истории. Но здесь не все так просто.

«Против кого дружите?» – огорошила нескольких молодых литераторов, отделившихся от общей компании, приехавшей в гости к Анне Ахматовой, хозяйка. Молодые люди не нашли что ответить, а фраза великой русской поэтессы стала крылатой. Так и в истории. Она может не только объединять, но и разъединять. Посмотрите, что происходит в текущей политике. Мы как-то не заметили, что с момента окончания «холодной войны» мир, скроенный авторами ялтинско-потсдамской системы более 70 лет назад, и все это время существовавший по ее лекалам, приказал долго жить. Похоже, что, наблюдая сегодня кризисы в Грузии, на Украине, в Приднестровье, в Сирии или Ираке, а до того – в Косово и бывшей Югославии, мы с вами наблюдаем агонию этой модели мира. Можно в этом обвинять США и их союзников или процессы глобализации, можно – просто естественный ход вещей, вызванный понятным стремлением людей к свободе, независимости, ценностям индивидуализма – много чем еще. В конце концов, жизнь идет вперед и ничто не вечно под луной. Однако, уходя, эта эпоха оставляет за собой массу нерешенных вопросов, горячих или замороженных конфликтов и прочих проблем, которые надо как-то решать, но никто в мире не знает, как это сделать. Да и согласие в координации этих усилий тоже отсутствует.

Причем тут история – спросите вы и будете правы. А прошлое, точнее не оно само, а взгляд на него, способен существенно повлиять на нашу оценку настоящего и, тем более, ориентиры на будущее. Так, еще полвека назад в общественном сознании безоговорочно господствовала общая европоцентричная призма восприятия развития цивилизации. То есть,

несмотря на все трудности своего колониального прошлого, Европа представлялась как бы универсальным посредником в диалоге разных культур, проводником прогресса, а европейские ценности были аксиоматичны для любой страны, стремящейся к цивилизации, промышленному, финансовому и иному другому процветанию. В свое время Р. Киплинг назвал этот процесс «бременем белого человека».

Однако в начале XXI в. стало очевидно, что европоцентризм вкупе с идеями политического плюрализма и экономического либерализма как универсальные условия для вступления на путь всемирной глобализации (понимаемой как процветание) для многих национальных культур и целых континентов имеют свои границы и, решая одни проблемы, они создают в разных частях света другие. Философская мысль последних десятилетий, к сожалению, не смогла ни модифицировать универсализм европоцентричных ценностей, ни предложить им адекватную замену. Образовавшийся в связи с этим вакуум стали активно заполнять разные формы национализма – от мягкого до фашиствующего, что оказалось очень востребовано в свете формирования на обломках сначала колониальной системы, а затем и ялтинско-потсдамской системы множества новых государств, которым требовались какие-то объяснения собственной национально-государственной идентификации. Эти процессы наиболее ярко выражены не только во многих странах Африки и Азии, границы которых были сформированы не исторически, а колонизаторами в XIX – XX вв., но и, например, на просторах бывшего СССР, где новые независимые государства также ищут свою национальную идентичность.

Наиболее рельефно это отразилось в начале XXI в. в сносе старых и возведении новых памятников историческим деятелям ушедших эпох, в которых нынешние политические силы видят свои новые национальные символы и ориентиры. Это можно проследить в почти повсеместном на просторах бывшего СССР сносе памятников В. И. Ленину с заменой их на монументы Чингизхану (Казахстан), Бандере и Шушкевичу (Украина), солдатам повстанческой армии УПА, Сафармураду Ниязову (Туркмения), эстонским легионерам дивизии СС и т. д. и т. п. Не избежали этого процесса и страны Восточной Европы. Демонстративный отказ там от наследия социалистической эпохи сопровождается уничтожением памятников советским воинам-освободителям. Все эти явления можно было бы списать на болезни роста, если бы не одно обстоятельство. С лета 2017 г. в центре мировой глобализации – в США стали происходить процессы, до боли знакомые нам по телевизионным картинкам с просторов бывшего СССР. Толпы возмущенных людей сносят памятники. И кому? Ленину (но это понятно), Христофору Колумбу, генералам армии Конфедерации времен Гражданской войны в США (а это было более чем 150 лет назад). Я не готов прямо сейчас ставить диагноз этому тревожному явлению, но могу лишь в этой связи напомнить общеизвестную истину о том, что тот, кто сеет ветер, пожнет бурю…

На этой волне европоцентрическая концепция истории перестала быть доминирующей. Сегодня с ней конкурируют афроцентризм, азиацентризм, исламизм и много иных «измов». Россия в этом смысле не исключение. С недавних пор мы перестали считать себя (по крайней мере, в речах сановных историков от власти) частью единой европейской культуры и чуть ли не объявили себя отдельной цивилизацией. Стремясь подтвердить эту точку зрения, ее нынешние апологеты обращаются к истории и часто весьма тенденциозно жонглируют при этом фактами прошлого. Впрочем, это происходит не первый раз. Еще отец русской неподцензурной печати А. И. Герцен, наблюдая схожие процессы в отечественной политической жизни в 30—40 гг. XIX в., метко заметил: «Русское правительство – будто обратное провидение. Обустраивает к лучшему не будущее, а прошлое».

Как показало время, подобные пропагандистские эксперименты с нашим общим историческим наследием не смогли ни уберечь страну от военного поражения в Крымской войне, ни отвратить ее от пути реформ, который ей предсказывали многие русские интеллектуалы первой половины позапрошлого века.

Но, возвеличивая свое прошлое, любая национальная историография как бы не замечает, а в более радикальном виде – унижает историю соседей. Тому есть объективные и субъективные причины. Субъективизм здесь кроется в том, что гораздо легче повысить свой авторитет в глазах самого себя, уничижая окружающих. Объективным же фактором тут является то обстоятельство, что прошлое любой страны представляет собой историю бесконечных войн и конфликтов, подвигов и преступлений, поражений и побед. Поэтому погружение в национальную историю – это, как правило, погружение в атмосферу постоянных битв за выживание путем победы над другими. Пока «бремя белого человека» воспринималось как неоспоримая аксиома всеми теми, кто пишет учебники по истории, – проблемы не возникало. Образы героев и врагов были заранее предсказуемы. Но сейчас в мире почти не осталось стран, которые могли бы экспортировать свои представления о добре и зле всему остальному миру или какой-то его части. Зато появилась масса национальных исторических школ. За последние двадцать лет эти школы создали столько изощренных научных концепций, что одна их систематизация представляется весьма трудоемкой задачей. Единая история в том виде, в котором она существовала еще полвека назад, перестала существовать. Взамен усилились истории национальных восприятий прошлого разной степени объективности и достоверности. Последнее время мы часто имеем дело даже не с национальным восприятием прошлого, а с откровенным мифотворчеством, творимым в угоду тому или иному политическому заказчику и не имеющему никакого отношения ни к науке вообще, ни к исторической науке в частности.

Вот и Российская Федерация включилась в эту борьбу. Простую истину о том, что тот, кто контролирует прошлое, определяет свое будущее, современные российские власти осознали не так давно. И то осознание это в первую очередь коснулось новейшей истории. Это и понятно. Ревизия итогов Второй мировой войны началась после распада СССР и всей социалистической системы, но наглядно проявилась именно сейчас. Уже в 2000 г. Президентом РФ была утверждена «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации». Однако при ее составлении вопрос о защите исторического прошлого России специально не затрагивался. Этот документ в большей степени отражает вопросы информационной безопасности сегодняшнего дня и ближайшего будущего. Но практически не затрагивает вопросы информационной безопасности с точки зрения защиты отечественной истории от интерпретаций, трактовок, фальсификаций, ведущих к ценностной переориентации и готовности к негативному восприятию настоящего. На государственном уровне борьбу с фальсификацией истории была призвана вести Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, которая была создана в 2009 г. Однако согласно Положению, комиссия собиралась только дважды в год и фактически имела конъюнктурную цель стать ответом «на резолюцию ПАСЕ, в которой сталинизм приравнивался к нацизму». Фактически на смену Комиссии пришло созданное в мае 2012 г. по инициативе спикера Госдумы С. Нарышкина Российское историческое общество (РИО).

Вы все знаете, что уже несколько лет вышеупомянутое общество координирует работу по созданию единого и непротиворечивого учебника и учебного стандарта по истории. И это закономерная задача в свете всего сказанного выше. Было сформулировано около 30 «трудных» вопросов для освещения в новом учебнике. Однако по мере продолжения работы комиссии публичной информации о ее деятельности становилось все меньше и меньше, а заявленное широкое общественное обсуждение готовящихся учебных пособий тихо сошло на нет. Наконец, как гром среди ясного неба 15 мая 2015 г. было объявлено о том, что Научно-методический совет при Минобрнауки утвердил три линейки школьных учебников по истории Отечества с 5 по 10 классы. Ими стали учебник для 6—10 классов под редакцией И. Л. Андреева, И. Н. Федорова и Л. М. Лященко (издательство «Дрофа»), учебник для 6—10 класса под редакцией А. В. Торкунова (издательство «Просвещение») и учебник для 6—9 классов под редакцией Ю. А. Петрова. (издательство «Русское Слово»). Впервые эти издания были явлены широ-

кой общественности на Всероссийской книжной ярмарке осенью 2015 г. Оценивать качество данных пособий я на этих страницах не берусь, ибо некоторые из них даже не успели поступить в школы в этом учебном году и без их практической апробации в педагогическом сообществе говорить об их качестве пока бессмысленно.

Я со своей стороны, признавая и констатируя все перечисленные выше функции исторического знания, все же являюсь традиционалистом. Основное значение истории, с моей точки зрения, кроется не в использовании ее для прогноза будущего и даже не в образовании или воспитании подрастающего поколения. Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь в справедливости афористического замечания нашего известного историка В. О. Ключевского, сказанного по этому поводу, из которого современное поколение знает ровно половину. «История, как строгая классная дама, учит только тому, что никого ничему не учит, – говорил он. И добавлял: – Но очень сурово наказывает тех, кто пренебрегает ее уроками».

Главное значение истории состоит в ней самой. В нашей необходимости и потребности знать и понимать свое прошлое. Ведь несмотря на то, что мы живем с вами в бурно меняющемся мире, не стоит списывать со счетов силу исторической инерции, опыта и элементарной бытовой традиции (современные экономисты-институционалисты называют этот эффект «исторической колеей»), с которой приходится соизмерять свои действия всем: от простого человека до любого руководства любой страны. А корни их уходят в историю. Говоря об этом, тот же В. О. Ключевский в свое время справедливо замечал: «Историю надо знать не потому, что она была, а потому, что, уйдя, она не убрала своих последствий».

Как говорится, незнание этих «последствий» не освобождает нас от ответственности, в том числе и перед прошлым.

Вот в этих условиях мы с вами и начинаем наш обзор основных вех истории России. Несмотря на свою кажущуюся непрактичность, эти знания в одночасье могут быть востребованы любым из вас в самом неожиданном месте. Я надеюсь, что на этих кратких, но далеко не исчерпывающих примерах я смог убедить вас в актуальности прошлого и необходимости изучения представляемого мною предмета.

Глава I. Исторические науки

Мы с вами обсудили, и хочется верить, убедили друг друга в том, что историю изучать надо и понять ее с помощью познавательных возможностей, данных человеку, – возможно. Но как?

Наука, изучающая то, каким образом человек познает окружающий мир, называется *гносеологией*. Она предполагает наличие объекта познания (т. е. предмета, который изучается), и познающего его субъекта, которым всегда выступает человек. Человек судит об окружающем мире по тому отражению, которое изучаемые объекты создают в его сознании. Это отражение формируется на основе разнообразной информации, получаемой об объекте. С одной стороны, это достигается непосредственным наблюдением объектов с помощью данных нам органов чувств. Некоторые отрасли науки только этим и занимаются. В качестве примера тут можно привести, скажем, ботанику, зоологию и ряд других дисциплин. Однако для объективного знания этих данных зачастую оказывается недостаточно. Так, сотрудники ставшего на сегодня знаменитым адронного коллайдера разгоняют до световых скоростей пучки элементарных частиц, чтобы, столкнув их, получить с помощью специальных ловушек свидетельства о еще более элементарных частицах, составляющих мироздание. Астрономы судят о своих объектах исследования по данным различных излучений, идущих от звезд, как в оптическом, так в радио-, рентгеновском и иных диапазонах. При этом используется различный инструментарий: от простых оптических телескопов до радиоантенн или приемников рентгеновского излучения. Физики, химики строят свои знания на основании опытов. Микробиология использует традиционные оптические и электронные микроскопы и т. д. Что же можно в данной связи сказать об исторической науке?

Поскольку историческая наука обращена в прошлое, то я бы хотел начать наш разговор с одного существенного замечания, которое часто ускользает из поля зрения тех, кто сталкивается с данным предметом. История, как правило, имеет дело с задачами не прямого, а обратного типа. Это положение я проиллюстрирую историческим примером из недавнего прошлого.

Как вы знаете, 26 апреля 1986 г. произошла катастрофа на советской атомной станции в Чернобыле, приведшая к многочисленным жертвам, уничтожению четвертого блока станции и радиационному заражению значительных территорий вокруг нее. Радиационный фон в окрестностях Чернобыльской АЭС был настолько сильным, что Правительству СССР, занимавшемуся ликвидацией этой аварии, пришлось установить 25 километровую зону отчуждения и начать массовую эвакуацию людей. В эту зону попал и город чернобыльских атомщиков, который по названию реки, на котором был расположен, именуется Припять. 27 апреля того же года все население этого города в организованном порядке покинуло зону отчуждения. С тех пор Припять превратился в город-призрак, в котором никто не живет и который несет на себе печать этой катастрофы. Он медленно и верно разрушается. Но никто не знает, когда время поглотит его следы. Не очень давно я читал в интернете довольно интересный препринт группы американских материаловедов, которые доказывали, что без постоянного ремонта и использования все признаки современной цивилизации (небоскребы, заводы, дороги и проч.) будут разрушены под воздействием среды максимум за триста лет. Имея некоторые представления об археологии, я не разделяю излишнего оптимизма этой исследовательской группы, но вопрос меня заинтересовал. Вполне возможно создать группу из материаловедов, строителей, климатологов, гидрологов и иных специалистов, которые на основании всех природных условий, в которых находится покинутый город, укажут более или менее реальные сроки превращения его в руины и даже смоделируют этот процесс по этапам. Это будет прямой постановкой задачи.

Теперь посмотрим на этот пример с другой стороны. Предположим, мы перенеслись в будущее и наблюдаем развалины города Припять. Нашей задачей является восстановить его

образ на момент 27 апреля 1986 г., т. е. день, когда он был покинут людьми. Это задача *обратного* типа и она неизмеримо сложнее первой. С ней, как правило, и сталкиваются археологи, но и работа историка сродни ей. Не буду говорить о многообразии сценариев разрушения города, которые можно предложить на основании вида его развалин. Одних только экспертиз и натурных экспериментов надо провести великое множество, чтобы определить сценарий разрушения города, приведший именно к тому результату, который мы наблюдаем. В нашем случае, конечно, можно обратиться к документам позднесоветской эпохи и найти генеральный план этого города со всеми строительными и архитектурными выкладками. Но на этом пути возникнут свои трудности. Не факт, что таковые документы сохранятся вовсе, еще более проблематично, что свидетельства позднесоветской эпохи сохранятся на Украине. Глядя на то, что там происходит сегодня, легко представить, например, что к десятилетней годовщине Майдана такие мэтры украинской политики, как Олег Ляшко или Олег Тягнибок инициируют постановление Верховной Рады о запрете существования на Украине советской истории и под это дело добьются физического уничтожения всех документов и свидетельств по истории советской Украины. Я, конечно, утрирую, но в истории бывали случаи и похлеще. Нам тогда придется кропотливо, по крупицам, собирать информацию из различных мест, содержащуюся на разных физических носителях, чтобы затем попытаться воссоздать на основании данных сведений первоначальный вид этих (хочется верить), величественных развалин. В этом и состоит ремесло историка.

И поскольку историки по необходимости имеют дело с многообразными свидетельствами и остатками этого самого прошлого, то в этих остатках следует хорошо разбираться. Учитывая, что ежеминутно и ежесекундно настоящее становится на наших глазах историей, то корпус таких свидетельств очевидно обширен и весьма и весьма разнообразен. Это и прямые материальные остатки прошедших эпох, и «отраженные» свидетельства свершившихся событий. На профессиональном языке любой из этих носителей информации, который может что-либо рассказать об истории, называется *«историческим источником»*.

Строго говоря, историческим источником, раскрывающим ту или иную грань реальности, может быть все что угодно. Скажем, стол XVIII в. из собрания музея мебели в Париже может рассказать о том, какой материал, какие технологии и инструменты применялись при его изготовлении. Если на этом предмете сохранилось клеймо мастера, то вполне возможно установить его личность и где он жил. А это значит, что, изучая наш стол, можно сделать вывод не только об уровне столярного производства во Франции в первой половине XVIII в., но и получить представление о том, насколько высок был уровень данного ремесла в Провансе, где, по всей вероятности, жил мастер, а также судить о квалификации его самого и пр.

Гораздо сложнее обстоит дело, когда речь идет не о простых материальных свидетельствах эпохи, но об источниках, которые, в свою очередь, созданы под влиянием каких-либо событий. Скажем, бесчинства опричников Ивана Грозного отражены в огромном числе письменных документов, созданных как непосредственными участниками этих кровавых вакханалий, так и выжившими свидетелями. Написаны они были и на русском, и на иностранных языках. При этом, часто описывая одни и те же события, разные люди делают акценты на разных вещах, а некоторые и вовсе противоречат друг другу. Изучая эти сведения, историку бывает ох как трудно разобраться в том, что же было на самом деле.

Но не все так безнадежно. Чтобы правильно оценить информативные возможности того или иного типа исторических источников и извлечь из каждого максимум полезных сведений, где-то с середины 50-х гг. XX в. была создана и ныне успешно развивается специальная вспомогательная историческая наука, получившая название источниковедение. Главной задачей, которую эта наука перед собой ставит, является описание и каталогизация всех возможных типов исторических источников и выработка методов, с помощью которых из каждого типа источников можно извлечь максимум возможной информации.

К сегодняшнему дню предложена масса классификаций исторических источников. Каждая из них имеет свои положительные и отрицательные стороны. Поскольку мы с вами не собираемся становиться профессиональными источниковедами, то я ограничу свой обзор одной простой, но, как мне представляется, убедительной классификацией. Согласитесь, что когда мы говорим об историческом документе, в сознании, как правило, всплывает образ летописи, свитка или иного носителя письменной информации.

«Еще одно, последнее сказанье – И летопись окончена моя, – Исполнен долг, завещанный от бога…» – говорит пушкинский Пимен в келье Чудова монастыря в поэме «Борис Годунов». И действительно, с момента первой информационной революции (т. е. изобретения различных письменных систем записи и хранения информации), вот уже несколько тысячелетий, человечество сопровождает постоянно растущий документооборот. Написанный на разных языках, с применением разных технологий (от клинописи и узелкового письма до берестяных грамот и привычных нам бумажных документов), этот Монблан письменных источников может много чего рассказать об истории человечества. У меня, к сожалению, нет возможности, чтобы на этих страницах охарактеризовать и сотую часть известных типов письменных документов. Здесь и глиняные таблички с записями законов Хаммурапи, и шелковые свитки с написанными на них историями царствования китайских династий, и египетские обелиски с выбитыми на них главами истории египетской цивилизации, и, к несчастью, не дошедшие до нас папирусные фолианты Александрийской библиотеки, утраченной, как известно, в ходе боевых действий римской армии против египетского монарха Птолемея XIII в 48—46-е гг. до н. э. Сюда же запишем хранящиеся в библиотеке Ватикана глиняные таблички с записями норм римского права, как и речи главных политических деятелей римской эпохи, средневековые хроники, летописи разных времен и народов, приказное делопроизводство, разнообразные рукописи делового и личного характера и т. д. и т. п.

К сказанному следует добавить и эпохальное событие, датированное 1458 г., когда Иоганн Гуттенберг произвел вторую информационную революцию в истории человечества. Изобретение книгопечатания в разы разнообразило типы письменных документов и привело к их тиражированию в доселе невиданных масштабах. Появились газеты, журналы, бюллетени, листовки, информационные листки, которые получили широкое распространение в той повседневной жизни, а ныне обрели статус исторического источника.

Так что количество бумаги, на которой человечество продолжало фиксировать свою жизнь, многократно увеличилось. Казалось бы, этому процессу по мере усложнения человеческой деятельности не будет конца. Но нет. Где-то с 80-х гг. XX в. мы с вами вступили в эпоху очередной информационной революции, характеризующейся заменой традиционных носителей информации (бумаги, дерева, камня, ткани и т. д.) машиночитаемыми. Появились магнитные ленты, дискеты, жесткие диски, флэшки, которые при всех своих технических характеристиках, по сути своей, продолжают хранить все те же письменные свидетельства и документы.

Вместе с эволюцией письменных источников эволюционировали и специальные исторические науки, основной задачей которых является их правильное прочтение, понимание и хранение. В прежние «докомпьютерные» времена основное значение здесь всегда имела такая вспомогательная историческая наука, как **палеография**. Она изучает историю традиционного «чернильного» письма (эволюции написания букв, систем сокращения, существовавших в разные времена, орудий письма, составы красок, чернил, материала для письма, его форматов, украшений, водяных знаков). Та часть письменных источников, которая создана на твердых материалах (надписи на камне, глине, металле и пр.) изучаются и классифицируются еще одной специальной исторической дисциплиной – **эпиграфикой**.

К этим наукам примыкает еще одна вспомогательная наука – **сфрагистика**. Как вы знаете, многие документы сейчас, да и раньше, скреплялись печатями. Причем уникальность этих печатей гарантировала подлинность авторства документа. Именно сфрагистика и занима-

ется всем многообразием технологий создания, видов, материалов изготовления и других особенностей печатей, пломб и иных удостоверяющих подлинность документа предметов. Кроме того, общеизвестно, что многие официальные и не очень документы снабжены гербами, вензелями и прочей геральдической атрибутикой. Опять же чтобы не ошибиться в многообразии этих символов былого и настоящего величия, исследователям приходится соотносить свои выводы с данными науки о гербах, а также традиций и практики их использования – **геральдики**.

Довольно рано в связи с постоянно нараставшим документооборотом человечество задумалось о технологиях хранения, обработки, утилизации всей этой информации. Этим традиционно занимается наука **архивоведение**. Сейчас же к этой сугубо исторической дисциплине прибавляется еще такая прикладная дисциплина, изучаемая на факультетах государственного управления, как **документоведение**. В ее компетенцию, помимо систем классификации различных типов документов, которыми обслуживается современное общество, входит и очень важная для исторической науки обязанность определения современных критериев, по которым документу полагается храниться в архивах и на какие сроки хранения каждый тип документа может рассчитывать. То есть, по сути, документоведение определяет критерии формирования корпуса исторических источников для будущих поколений исследователей.

Признанные ценными документы принимаются на хранение в архивы. Тут начинается своя история. Архивы бывают разные: личные, корпоративные, местные, государственные, церковные, военные и т. д. и т. п. Каждое государство формирует свою архивную систему со своим архивным законодательством, принципами хранения и классификации документов, а также их учета.

По мере своего развития человечество расстается с многими типами письменных документов, которые долгие века составляли существенную часть повседневной или государственной жизни. К таковым можно отнести ревизские сказки, крестоцеловальные грамоты, податные списки и пр. С появлением электронной почты буквально на наших глазах умирает жанр личной переписки, игравший очень важную роль в повседневной жизни еще наших бабушек и дедушек. Точнее, она перемещается в область виртуальной жизни, и никто, похоже, не может сегодня сказать, сохранится ли что-то из этих терабайтов информации для Истории. И наоборот, в связи со все большим участием в нашей жизни информационных технологий историков начинают интересовать такие нетипические документы, как расчеты компьютерного моделирования технологических или социальных процессов, предшествующих принятию тех или иных политических решений, данные экономической статистики и даже… в ряде случаев параметрические показатели полетов ракет или самолетов, когда речь идет о написании книг об истории заключения важных межправительственных соглашений о сокращении вооружений в XX в.

Но, несмотря на то, что письменные источники всегда играли и играют важную роль в наших знаниях о собственной истории, этим все многообразие источниковой базы по истории человечества не ограничивается.

Разнообразный мир вещей и предметов, который человек создает своей деятельностью, также может дать массу интересных сведений о человеческом прошлом. Наиболее древними сохранившимися материальными свидетельствами человеческой жизни занимается **археологическая наука**. В середине XIX в. она возникла как вспомогательная историческая наука и питалась энтузиазмом богатых дилетантов. Однако открытие Г. Шлиманом Трои на территории бывшей Османской империи, раскопки Р. Алькуберре Помпей и Геркуланума в Италии, открытие в 1894 г. сэром Артуром Эвансом Кносского дворца на Крите и другие сенсационные археологические находки способствовали превращению археологии в очень важную составляющую исторической науки, добывающую для нас существенную часть знаний о прошлом. Ныне археологические изыскания ведутся уже в разных средах. Помимо «традицион-

ного» копания в земле, с 60-х гг. XX в., после изобретения аквалангов и активного развития техники подводных работ, очень активно развивается подводная археология. На счету этой науки уже довольно много открытий. Среди очевидных успехов здесь можно назвать нахождение, а затем и поднятие на поверхность, реставрацию и музеефикацию знаменитого флагмана шведского флота времен короля Густава Вазы – корабля «Ваза». Еще более значимым для понимания истории Северной Европы раннего средневековья стало обнаружение и поднятие в 1968 г. в одном из канадских фьордов скандинавского дракара, датируемого IX – X вв. Это открытие наглядно подтвердило содержащиеся в скандинавских сагах сказания о том, что средневековые викинги знали морской путь и даже высаживались в доколумбовой Америке. Учитывая темпы, с которыми человечество последние пятьдесят лет осваивает космос, можно предположить, что рано или поздно то, что сейчас пренебрежительно именуется «космическим мусором», по мере удешевления полетов в околоземное пространство и развития технологий сведения с орбиты отслуживших свой срок космических аппаратов тоже станут новым разделом уже «космической» археологии.

Археологические раскопки не ограничиваются интересом только к историческому прошлому человечества. Раскопки ведутся и на стоянках людей более древних, нежели вид homo sapiens – неандертальцев, кроманьонцев и др. В этом с археологией активно сотрудничает наука **антропология**, которая изучает эволюцию человека как биологического вида, его происхождение, развитие и существование в природной и культурной средах. Однако именно благодаря антропологическим методикам мы зачастую можем в буквальном смысле «взглянуть в лицо» нашим далеким предкам. Так, широко известные скульптурные портреты Андрея Боголюбского, Ивана Грозного, царя Федора Иоанновича и др. были выполнены нашим замечательным антропологом М. М. Герасимовым на основании исследований костей скелета этих исторических личностей. Буквально год или два назад в связи с открытием в Московском Кремле ранее неизвестных захоронений бывших «первых леди» Московского государства, с использованием антропологических методик специалистами Кремля были выполнены скульптурные портреты Софьи Палеолог, Елены Глинской, Ирины Годуновой и ряда других исторических лиц. Ну а буквально в наши дни, по сообщениям СМИ, итальянские антропологи планируют по тем же методикам восстановить внешний облик музы великого Леонардо да Винчи знаменитой Джоконды – синьоры Моны Лизы Герардини. К этим сюжетам мы вернемся чуть ниже.

Здесь же я хочу сказать, что археологические изыскания зачастую восполняют пробелы и в наших знаниях совершенно недавнего прошлого. Даже в Москве с 1997 г. законодательно запрещено строить какие-либо здания в черте Садового кольца без предварительной археологической разведки. И археологи откапывают буквально у нас под носом много довольно интересных, уникальных в своем роде вещей. Например, когда в 1998 г. начали строить «Романов Плаза», во дворе здания факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова археологами было найдено целых 2 (!) клада медных денег середины XVII в. Пикантность этим находкам придало то обстоятельство, что монеты из обоих кладов оказались фальшивыми. То есть получается, что вопреки всем известной интернациональной логике фальшивомонетчиков – сбывать с рук денежные подделки как можно скорее, наши преступники, как всегда, шли своим путем, оставляя эти, с позволения сказать, дензнаки, так сказать, «на черный день». Если же вспомнить обстоятельства «медного» бунта в Москве, время которого примерно совпадает с возрастом этих кладов, то становится очевидным, что в тех событиях виновато не только правительство, желавшее нагреть руки на подданных, но в равной степени и сами подданные, в буквальном смысле платившие государству той же монетой.

Огромный пласт необходимой для правильного понимания истории информации дают и многочисленные произведения архитектуры, скульптуры, изобразительного и прикладного искусства, которыми человечество окружает себя с самых ранних пор своего развития. В этой связи уместно упомянуть и наскальные рисунки первобытных людей и пирамиды Египта,

памятники архитектуры и скульптуры греко-римской эпохи, византийские мозаики, шедевры портретной живописи периода Возрождения и Нового времени. Все эти исторические источники при правильном подходе, понимании места, времени и причин их создания могут очень много рассказать об истории. Традиционно вопросами, связанными с историей и техникой создания произведений искусства, занимается самостоятельная наука **искусствоведение**.

Все эти материальные остатки прошлого сегодня, как правило, хранятся в музеях. Так было далеко не всегда. Если вспомнить учреждение в России первого государственного музея – знаменитой Кунсткамеры, то Петр I, по приказу которого это музейное собрание создавалось, повелел свозить туда все выявленные свидетельства уродства, в первую очередь анатомического. В первые годы в коллекции были даже живые экспонаты – монстры, карлики, великаны, которые жили при музее. Туда же во вполне бессистемном порядке свозили предметы искусства, редкие книги, археологические находки. Так формировалась первая отечественная музейная коллекция. Конечно же, за истекшие триста лет подход к собиранию и хранению музейных коллекций претерпел существенные изменения. Сейчас вопросами хранения, описания и экспонирования музейных коллекций занимается наука **музееведение**. Наиболее старым музеем исторического профиля в России является Оружейная палата. Выросшая из государственных мастерских по производству вооружения, украшений и упряжи для царского двора, коллекция Оружейной палаты с 1806 г. является музеем. В настоящее время в состав этого собрания входит около 4000 экспонатов декоративно-прикладного и ювелирного искусства, вооружения, одежды и реликвий российской государственности. Для широкой публики этот музей был открыт только в XX в. Ну а первый публичный исторический музей был основан по указу императора Александра II в Москве в 1876 г. и по сей день работает на Красной площади под названием Государственного исторического музея.

Немалую толику очень важных сведений о прошлом могут рассказать и источники нематериального характера. Это – песни, обряды, праздники, особенности верований, быта и жизни, унаследованные нами от далеких предков. Для их изучения и фиксации в середине XIX в. возникла специальная историческая наука – **этнография**. С ее помощью на основе остатков прошлого, которые сохранились в нашем быту на уровне привычек, суеверий, уклада жизни, традиций поведения, манеры одеваться и пр., можно воссоздать те черты прошлого, которые не могли дойти до нас в какой-либо иной форме. Например, многие народные обрядовые танцы и хороводы уходят своими корнями в языческие ритуалы задабривания богов, праздник Широкой Масленицы суть не что иное, как следы празднования языческого Нового года по древнему славянскому календарю.

Наконец, XX в. с его бурным развитием технологии фиксации разных видов информации дал жизнь еще целому ряду типов исторических документов. Это аудио- и видеозаписи исторических событий, материалы документальной кинохроники и художественная кинопродукция, многочисленные теле- и радиопередачи, интервью, репортажи и другие материалы, позволяющие историкам реконструировать не только внешний облик, голос многих исторических персонажей, но и узнать о мотивах их поступков, можно сказать, «от первого лица». Большая часть мировых событий теперь входит в историю в том виде, каким их запечатлели объективы кино и фотокамер корреспондентов и операторов многочисленных мировых информационных служб. Эти новые черты информационной эры человечества позволяют некоторым современным мыслителям объявлять о «конце истории». Логика здесь примерно такова: раз сами исторические деятели от своего имени подробнейшим образом повествуют о том, почему, как и в какой последовательности они действовали, что они думали и какими расчетами руководствовались при решении возникавших вопросов – то и изучать что-то не имеет смысла. Все участники истории, так сказать, налицо, и рассказывают сами всю подноготную. Я в данной связи, за недостатком времени, не буду пускаться в полемику с подобной точкой зрения, а лишь хочу напомнить одну истину, которая приписывается известному деятелю польской «Солидар-

ности», журналисту и издателю Ежи Урбану. Он как-то заметил: «Плохо, если в роли учителей выступают продукты эпохи, составляющей предмет изучения».

И в этом смысле он совершенно прав, ибо насколько бы не пристрастно мы судили о событиях, современниками которых мы являемся, но мы к тому же являемся плоть от плоти частью той же эпохи и потому подвержены ее страстям, порокам, этическим, моральным и нравственным ценностям, образу жизни, мыслей и т. п. И поэтому любые воспоминания, в том числе и сделанные с помощью современны приемов аудио-, видеофиксации, по сути, остаются крайне субъективными свидетельствами.

В повседневной жизни мы настолько привыкли пользоваться Григорианским календарем, метрической системой мер и весов, что почти не допускаем мысли о том, что когда-либо все могло быть иначе. И действительно, если современное поколение и знает о существовании «старого стиля» исчисления времени, так только потому, что он дает нам приятный повод дважды отметить Новый год. Между тем нынешний, Григорианский календарь, единый для «цивилизованного человечества» в лице большинства стран Европы, обеих Америк и части стран Африканского и Азиатского континентов в России был введен декретом Советского правительства лишь 1 января 1918 г. До того страна жила по Юлианскому календарю, расхождение которого с астрономическим годом на сегодняшний день составляет уже 13 дней. Но и это не все! До 1700 г. наша страна мерила время не от Рождества Христова – приблизительно высчитанной даты рождения Иисуса Христа, а от Сотворения Мира – не менее мифической даты, отстоящей от времени Рождества Христова на 5503 г. Причем Новый год до Петра Великого отмечали не в январе, а в сентябре. И это примеры только нашей страны! Добавим к этому, что и сегодня многие страны придерживаются своего собственного летоисчисления. Так, мусульмане ведут начало новой эры от даты переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину – Хиждры (622 г. н. э.). Китайцы вообще предпочитают нашему, солнечному, календарю лунный и т. д. В прошлом же разнообразие систем летоисчисления и календаря было еще большим. И во всем этом надо уметь разбираться хотя бы для того, чтобы, не прибегая к помощи методов «Новой хронологии» Николая Фоменко, сопоставлять исторические факты, датированные разными календарными системами.

Несколько лет назад была очень модна тема о конце света в связи с окончанием очередного цикла календаря майя. Природу этой сенсации трудно объяснить иначе как невежеством именно в вопросах исторической хронологии. С таким же успехом можно было бы взять за основу вселенской паники, скажем, то обстоятельство, что знаменитыми римскими цифрами (которые красуются на циферблатах многих часов и которыми часто обозначают века в учебниках) можно записать не так много значений цифр. Максимальное значение числа, которое можно выразить, используя эти цифры равно 3999 (MMMCMXCIX). До изобретения арабами нуля все большие цифровые обозначения требовали в древнеримской математической практике специальных дополнительных надстрочных знаков. Нет ли здесь зашифрованной древними римлянами даты всемирной катастрофы? Ведь верили же византийцы, что их хранимая Богом империя падет в 7000 г. от Сотворения Мира (т. е. в 1492 г. от Рождества Христова). Однако, поскольку до 3999 г. должно пройти еще почти 2000 лет, то по логике современных устроителей сенсаций в стиле грозящего конца света, эта «угроза» для человечества явно не актуальна. Всеми сюжетами изучения различных хронологических систем, сопоставления дат и календарей занимается наука **хронология**.

В той же мере важны и данные исторической **метрологии**. Скажем, ныне мы привыкли мерить расстояние километрами, вес килограммами, а объем жидкости литрами. В англосаксонском мире действует другая система: расстояние меряют в милях, вес в фунтах, жидкость в пинтах и т. д. В дореволюционной России основной мерой расстояний была верста, а мерой веса являлся пуд. Жидкости мерили ведрами и бутылями, а рост аршинами и локтями. Во Франции до введения метрической системы измерения в ходу была воспетая в романах

А. Дюма единица измерения расстояний – лье, римские легионеры мерили путь, пройденный в походах, стадиями, и т. д. Опять же, чтобы правильно ориентироваться во всем этом многообразии систем измерения, требуется знать все их тонкости.

Мне кажется, я уже довольно рассказал о том, откуда историческая наука черпает свои знания. В заключение я перечислю еще несколько вспомогательных исторических дисциплин, которые у рядового обывателя чаще ассоциируются с детскими увлечениями и хобби, однако на деле также играют важную роль в реконструкции жизни и быта ушедших эпох. Многим из вас, я уверен, в детстве было присуще увлечение **нумизматикой**. Однако, если отвлечься от увлечений далекой молодости, без нумизматических знаний – о порядке формирования денежных систем в разных странах и в разные эпохи, истории чеканки денег, их внешнего вида, покупательной способности и т. п., невозможно составить более или менее адекватное представление об экономический или политической истории любого человеческого общества. В Новое время, когда стоимостные характеристики тех или иных материальных ценностей стали выражаться не только в номиналах монет, но появились бумажные деньги, векселя, сертификаты, акции и иные виды ценных бумаг, эволюционировала и нумизматика. Сейчас в состав этой науки как самостоятельный отдел, изучающий историю, виды и формы ценных бумаг, входит еще и **бонистика**, классифицирующая этот вид исторических документов и денег.

Еще одним увлечением, присущим многим детям, является коллекционирование значков. Между тем **фалеристика** – наука, изучающая историю формирования и развития наградного дела по наградным знакам отличия (ордена, медали, и пр.), проливает свет на многие неявные стороны нашей жизни. И сегодня по значкам на форменной одежде офицеров можно безошибочно определить, в каком учебном заведении они учились, принадлежат ли к гвардейским частям, были ли участниками боевых действий и пр. По набору орденов и военных наград можно судить, в каких сражениях участвовал тот или иной исторический персонаж и какого рода героические поступки совершил. А в некоторых случаях – и в каких преступлениях замешан. Так, после предательства гетмана Ивана Мазепы в 1709 г. Петр I учредил уникальный в своем роде орден, напечатанный в единственном экземпляре. Он представлял собой круг весом 5 кг, изготовленный из свинца. На круге был изображен Иуда Искариот, повесившийся на осине, внизу изображение 30 серебреников и надпись: «Треклят сын погибельный Иуда еже ли за сребролюбие давится».

Петр предполагал вручить этот орден Ивану Мазепе в обмен на орден Александра Невского, незадолго до того пожалованный украинскому гетману за большие заслуги в деле строительства Российской империи. Но этому не суждено было случиться. После поражения шведско-украинского воинства под Полтавой Иван Степанович Мазепа умер в Бендерах 22 сентября 1709 г. С тех пор этот орден был не востребован и хранится в Государственном историческом музее. Правда, в связи с событиями на Украине, устами официального представителя Министерства обороны РФ генерала И. Е. Конашенкова в 2015 году была озвучена идея наградить этим раритетом создателя скандально известного украинского сайта «Миротворец», помощника Министра внутренних дел Украины г-на Геращенко. Однако пока данная награда не покидала своего основного места хранения.

В прошлом же знания фалеристики тем ценнее, что благодаря им можно определить, являлся ли обладатель того или иного невзрачного значка членом той или иной организации, революционного кружка или какой-либо ремесленной корпорации, входил ли в число адептов той или иной религиозной организации или государственной институции и т. д. Бывает, что наличие одного-единственного маленького значка на лацкане пиджака может сказать о мотивах поступков его обладателя больше, чем все документы, которые этот человек после себя оставил. Скажем, распространенное в криминальной среде прозвище сотрудников уголовного розыска «легавый» идет от жетона с изображением головы легавой собаки, который вручался

чинам уголовной полиции царской России вместе с табельным оружием и использовался ими для идентификации коллег во время оперативной работы. Жетон закручивался по резьбе с тыльной стороны и носить его было удобнее всего на обратной стороне лацкана пиджака. Советская милиция некоторое время тоже использовала подобный значок. В скором времени факт существования этого отличительного знака и его ношения именно оперативными работниками стал известен преступному миру и появилось соответствующее прозвище.

Последнее время на роль вспомогательных исторических дисциплин всерьез начинают претендовать исследования в естественных науках, которые ведутся в пограничных с историей областях или же позволяют использовать свои методы для изучения прошлого. Наиболее общеизвестный пример – это использование для датировки археологических объектов радиоуглеродным методом, основанным на времени распада радиоактивных изотопов углерода. Метод этот сравнительно новый и получил свое распространение лишь во второй половине XX века. До того, чтобы проверить свои догадки, скрытые в древних усыпальницах и храмах, ученым приходилось зачастую идти на прямой конфликт с потусторонними силами.

В начале июня 1941 г. в Самарканде, в районе мавзолея Гур-Эмир, известного как место упокоения одного из величайших завоевателей древности Тимура Тамерлана, начались археологические раскопки. Они проводились в рамках масштабного проекта по созданию скульптурных портретов известных исторических деятелей на основе метода антропологической реконструкции, предложенного известным советским антропологом М. М. Герасимовым. Незадолго до того, в 1936 г., при схожих обстоятельствах им была вскрыта гробница Ярослава Мудрого в Киеве и на основе найденных там останков был восстановлен внешний облик этого знаменитого князя. Но здесь, в Самарканде, все было по-другому. И виной тому передававшееся из века в век страшное предсказание о том, что вскрывший могилу Великого Тимура навлечет на себя великую войну, невиданную в истории. А в качестве подтверждения этого пророчества рассказывали страшную историю большой нефритовой могильной плиты Тамерлана с надписью-эпитафией. Она была расколота. Так вот, согласно легенде, после захвата Самарканда персами плита эта была извлечена из мавзолея и привезена персидскому Надир-шаху, который использовал ее в качестве ступени перед троном. После этого в Иране произошло землетрясение, а самого шаха стали преследовать болезни. Сообразительный деспот решил пока не поздно вернуть надгробие на могилу, но при перевозке она раскололась. Тем не менее она была водружена на прежнее место и более его не покидала.

Однако новая генерация советских людей была атеистами и не верила в мистику. И все же, чтобы не раздражать местное население, и без того взвинченное активностью ученых вокруг усыпальницы, в обстановке строжайшей секретности под утро 20 июня 1941 г. могила была вскрыта, и останки Тимура попали в руки ученых. За начавшейся вслед за тем горячкой научной работы никто не считал часов. Вскрытие захоронения, его описание и обмеры закончились вечером 21 июня 1941 года… А утром 22 июня началась война… Что тут сказать? Я ни в коей мере не являюсь адептом мистического истолкования прошлого и считаю все рассказанное стечением обстоятельств. Но сам М. М. Герасимов уже в старости признавался в том, что из-за этой истории всегда чувствовал свою личную причастность к развязыванию Великой Отечественной войны.

Я рассказываю эту историю потому, что сегодня, кажется, уже не является сенсацией использование методов рентгеноскопии для исследования древних захоронений, позволяющее «сканировать» тысячелетние мумии, не тревожа могил и не выпуская демонов на свободу, при этом определяя антропологические особенности усопших, состав костей, кожных покровов, материалов, из которого сделаны погребальные одежды, и даже болезни, которыми они страдали при жизни. В феврале 2017 г., например, специалисты Курчатовского института в Москве приступили к подобному исследованию египетских мумий, хорошо знакомых почитателям египетской коллекции ГМИИ им. Пушкина. О результатах их исследований пока не объявлено.

Но этим перечень подобных примеров далеко не исчерпывается. Интерес, который проявился в обществе к экологическим проблемам, заставил ученых пристальнее взглянуть на вопросы взаимовлияния человеческих обществ с окружающей природой. И здесь тоже возникло немало вопросов, напрямую касающихся уже человеческой истории. Например, почему были одомашнены одни виды животных и растений, а другие нет? Как это происходило, и с какой скоростью по времени? Как этот процесс повлиял на развитие человеческой цивилизации? Как реагируют на жизнь рядом с людьми микроорганизмы? Всегда ли они являются врагами человека и насколько их колонии, живущие внутри нас, помогали (или вредили) развитию человеческих сообществ? Наконец, занимаясь земледелием и скотоводством, строя города и каналы, человек по необходимости начинает взаимодействовать с природой. Часто, между прочим, во вред себе. Можно привести целый список обществ, начиная с аборигенов острова Пасхи и кончая викингами, пытавшимися колонизовать Гренландию в XI–XIV вв., которые в силу своих хозяйственных, религиозных или социально-политических представлений нарушили экологический баланс своих мест обитания и оттого довольно скоро, по историческим меркам, стали принадлежностью прошлого, а не настоящего. Интересующихся я отсылаю к крайне занимательным исследованиям Джареда Даймонда на эту тему.

Вот, пожалуй, почти все, что я хотел вам рассказать о тех науках, использование выводов которых позволяет нам реконструировать историю во всем многообразии ее проявлений.

Глава II. Накануне русской истории

Перед тем как непосредственно перейти к заявленной теме, я бы хотел сделать одно существенное замечание. Оно касается, прежде всего, географии рассматриваемого вопроса. Тематика нашего обзора заявлена как «История России». Но следует помнить, что территории, на которых расселялся в разные эпохи и живет сейчас русский народ, как и другие народы нынешней Российской Федерации, была различной. Еще недавно сюжет, который мы будем обсуждать, географически отождествлялся с территорией СССР. Соответственно, мы должны были охватить в подобном же обзоре историческое прошлое территорий, далеко отстоящих от нынешних границ Российской Федерации. Двадцать пять лет назад географическая граница нашего обзора лежала бы в пределах, оговоренных Беловежскими соглашениями от 12 декабря 1991 г. А сегодня, после возвращения в состав России Крыма, конфигурация нашего обзора вновь должна несколько измениться и включить в его Крымский полуостров и Причерноморье, благо, для этого у нас имеется масса и других веских причин. Словом, географический охват нашего обзора обнимает практически всю Восточную Европу, и в разных частях главы мы будем касаться исторических свидетельств о событиях, происходивших от ее западной границы по реке Одер до восточной – по линии реки Волги. На севере мы с вами не будем выходить далее озера Ильмень и Ладоги, а на юге ограничимся южной оконечностью Крымского полуострова. Но эпицентром нашего сегодняшнего рассказа станет Северное Причерноморье, южнорусские и южноукраинские степи, междуречье Днепра и Дона.

Итак, наиболее древние свидетельства об обитателях Северного Причерноморья мы черпаем из сочинений Геродота, который сообщал, в частности, что где-то в X веке до нашей эры там обитало загадочное племя киммерийцев. Причем, насколько можно сделать вывод со слов Первого Историка, представители этого народа, придя в причерноморские степи, сожгли и разграбили поселения более древних жителей этих мест.

Затем на просторах Причерноморья появились племена скифов. Тот же Геродот, путешествовавший в V веке до н. э. по греческим колониям, разбросанным по Крыму и всему черноморскому побережью, уже застал их присутствие. Известно, что одна часть скифских племен занималась земледелием, а другая – скотоводством. И те и другие образовывали могущественный союз скифских племен, именовавшийся сколотами.

В III веке до н. э. скифы, как и их многочисленные союзники, были разгромлены и изгнаны из своих поселений пришедшими на эту территорию могущественными ираноязычными кочевниками – сарматами, державшими в страхе южные степи весь II век.

В первые века нашей эры на юге Европейской части Украины и России появились новые племена, именовавшие себя венедами. Именно в них многие исследователи видят прямых предшественников славян. Другие связывают их с племенами скифов-земледельцев, которые после разгрома их сарматами отступили в менее доступные районы на севере и образовали там новый племенной союз антов.

Вместе с ними мы вступаем в эпоху, когда вся Евразия пришла в движение. Громадные территории от Гибралтара до Каспия и от Крыма до лесостепи Центральной России стали легкой добычей многочисленных варварских народов, хлынувших из глубин Азии. Это время получило в историографии название эпохи Великого переселения народов и стало периодом хаоса для большей части Европы. Славяне приняли в нем активное участие.

Первыми в Причерноморье пожаловали воинственные племена готов. Их король Амал Винитар после длительной борьбы подчинил себе антов. Однако праздновать победу ему пришлось недолго. Во второй половине IV века в степи Восточной Европы из Центральной Азии ворвалось другое варварское племя – гуннов. Об их присутствии в Причерноморье напоминают наиболее древние оборонительные сооружения, сохранившиеся в причерноморских

степях – Змиевы валы. Один из них, насыпанный приблизительно в 370 г., даже сохранил свои очертания до нашего времени. Высота его достигала в некоторых местах десяти метров. Не сумев прорвать эту оборонительную линию, гунны смерчем прошли по Северному Причерноморью и ушли в Европу.

А у степи уже появились новые хозяева. Ими стали аварские племена. Разгромив в VI в. антов, обретших было независимость после ухода прежних завоевателей, они образовали свое полукочевое государство – Аварский каганат во главе с верховным правителем – каганом. Известно, что, подчинив себе славянские племена, авары активно использовали их в своих грабительских набегах на Византию. Так, во время осады аварами Константинополя в 626 г. славяне сооружали для наступавших аварских орд мосты и строили метательные машины. Но во второй половине VII в. на Северном Кавказе возникло новое полукочевое государство, основанное племенем хазар. Это государство получило название Хазарский каганат. О нем мы знаем больше, так как первые русские князья платили хазарам дань и потому упоминания о различных событиях хазарской истории содержатся и в русских летописях. На заре своей истории хазары ковали свою государственность в бесконечных и кровавых войнах с арабами. Так, арабский историк Ат Табари повествует, что в 736 г. арабы совершили опустошительнейший поход вглубь Хазарского каганата, когда арабы истребили множество людей и сожгли 20 000 жилищ. Свою столицу хазары основали в городе Саркел на нижней Волге.

Там же, на Волге, хазары столкнулись с новым противником, которому нанесли серьезное поражение. Им оказалось племя булгар, живших по среднему течению Волги. Основанное ими государство – Волжская Булгария, хотя и было серьезно ослаблено, но все же уцелело. Хотя значительная часть булгарского народа и вынуждено было переселиться на юго-запад, основав на Дунае новое государственное объединение – Придунайскую Булгарию.

Наконец, одна из летописей под 875 г. отмечает появление в причерноморских степях нового кочевого племени, пришедшего из-за Волги. Это было племя печенегов. Из сочинений античных и византийских авторов известно, что печенегов из Центральной Азии вытеснили более могущественные соседи – гузы и кипчаки. Печенеги обошли с севера владения Хазарского каганата и более чем на век заполнили причерноморские степи. Под их давлением финно-угорское племя мадьяров, до того кочевавшее в Причерноморье, покинуло степи и ушло на запад и, перейдя Карпаты, осело на территории современной Венгрии.

Вот на этом историческом фоне происходило становление государственности восточнославянских племен.

В настоящее время Восточная и Южная Европа заселена преимущественно славянскими народами. Однако до сих пор в науке не сложилось определенного мнения относительно прародины славян и времени их появления в Европе. Согласно одной точке зрения славяне являются коренным населением Восточной Европы и происходят от живших на этой территории людей, которые в железном веке создали зарубинецкую и черняховскую археологические культуры. Согласно второй точке зрения древнейшим местом обитания славян является территория, очерченная бассейнами рек Вислы, Одера, Эльбы и Дуная в Центральной Европе. Именно там согласно сведениям античных авторов жили племена, именовавшиеся венедами. Их и считают непосредственными предками современных славянских народов.

Об этих племенах нам сообщают такие античные авторы, как Йордан, Плиний Старший, Птолемей Клавдий и Тацит. Из сообщений этих же авторов получается, что в первые века новой эры венеды разделились на две большие ветви – склавинов и антов. О том, какое отношение в данной интерпретации анты имеют к племенам скифов, история умалчивает. Но так или иначе, анты расселились в Поднестровье и Приднепровье, а склавины освоили земли на юго-западе от Днестра. Здесь славянские племена столкнулись с таким мощным противником, каковым была в те времена Византийская империя. Вооруженные столкновения между ней и славянами длились более чем столетие и кончились тем, что славяне заселили поречье Дуная

и часть Балкан. Так было положено начало южной ветви славянской народности, которая стала праматерью сербского, болгарского, черногорского и других югославянских народов.

В ходе этой борьбы славяне создавали большие племенные союзы. Одним из первых подобных объединений и были, как полагают некоторые историки, анты. В борьбе с ними византийцы использовали их более могущественных соседей. Именно они натравили на антов аваров, которые фактически уничтожили этот племенной союз во второй половине VI в. После этого разгрома упоминание об антах практически исчезает из исторических хроник.

Однако уже в VI – VIII вв. на территории, занимаемой славянами, возникло сразу несколько новых племенных объединений. Ими стали: Славия, Артания, Куяба. Последняя была, по-видимому, политическим объединением южных славян, Славия – северной группы славянских племен, а Артания – племен, обитавших на юго-востоке Европы.

Таким образом, к VII в. в праславянском этносе выделились три группы, которые и послужили в дальнейшем основой складывания современных славянских народов. Племена венедов, оставшихся на занимаемых ими территориях, стали основой для формирования западнославянских народов (поляки, чехи, словаки); склавины дали начало южным славянам – сербам, хорватам, болгарам, черногорцам, а восточная группа (некоторые отождествляют их с антами) – заложили основание древнерусского этноса и в конечном счете стали прародителями русского, украинского и белорусского народов.

Первые свидетельства, отождествляющие восточную ветвь славян с «руссами» или «россами», появляются в исторических документах начиная с VI в. Так, арабские источники свидетельствуют о походах «руссов» в 30-е – 40-е гг. VII в. на Дербент и в закавказские владения шаха Хосрова. Определенно нельзя утверждать, откуда пошло это название. В историографии выдвигалось несколько объяснений. Условно эти гипотезы можно разделить на три группы.

Первое объяснение этимологии названия «руссы» дали творцы так называемой Норманнской теории из числа первых русских академиков. Впервые занявшись русскими летописями с позиций исторической и филологической критики, эти ученые довольно быстро пришли к пониманию, что «Повесть Временных лет», которая содержится в наиболее старых русских летописях, является старейшим известием о Руси. Там они почерпнули легенду о призвании варягов, в которой утверждается, что варяжские князья Рюрик, Синеус и Трувор, призванные якобы новгородцами из-за моря, были вождями племени под названием Русь. Отсюда возникла гипотеза о варяжском происхождении этого термина. Гипотеза эта имеет тот существенный недостаток, что ни в одной из известных и описанных варяжских саг нет ни одного упоминания о племени с названием Русь, ни о вождях, именуемых Рюриком, Синеусом и Трувором.

Вторая гипотеза выводит этимологию названия Русь из географического названия. Давно замечено, что племена полян селились в бассейне р. Днепр по берегам речки Рось. Эти данные были в свое время блестяще подтверждены работами известного советского археолога, академика АН СССР Б. А. Рыбакова. Он и выдвинул гипотезу о том, что название «русичи» происходит от «росичи» – самоназвания людей, обитавших по берегам реки Рось. А название местности Рось трансформировалось в Русь и стало применяться соседями для обозначения других славянских племен.

Наконец, третья гипотеза базируется на данных, полученных структурной лингвистикой. Когда в конце XIX в. стало понятно, что языки возникают и развиваются не сами по себе, а имеют корни в более древних языках, испытывают влияние других культур и сами влияют на языки более поздних народов, появилась возможность классифицировать известные нам языки по языковым семьям и группам. Выяснилось, в частности, что русский язык относится к индоевропейским языкам, к славянской языковой группе. Корень «рус» в этих языках очень древний и практически везде обозначал реку. Отсюда ведут свое начало такие, сохранившие по сей день свое значение слова, как русло, русалка или имена собственные (Руслан, Русана и др.). На этом основании делается заключение, что «руссы», или «русские» – это самоназва-

ние людей, живших по берегам рек. А поскольку, как мы увидим далее, славяне очень часто селились в непосредственной близости от водоемов, то вскоре, следуя этой логике, русскими стали называть всех славян, живущих по берегам, а затем и вообще всех славян.

К VII – VIII векам обширная территория Восточной Европы от озера Ильмень на севере до Причерноморья на юге, и от Волги на востоке и до Карпат на западе была заселена славянскими племенами. «Повесть Временных лет» – древнейший русский летописный источник – насчитывает 15 названий таких племен, что, впрочем, не означает, что их не было больше. Каждое из этих племен представляло собой совокупность родов и занимало свою область.

По берегам озера Ильмень жили словене (или ильменские славяне); кривичи и полочане жили в верховьях Западной Двины, Волги и Днепра; дреговичи – между Припятью и Березиной; вятичи – на Оке и Москве-реке, радимичи – по берегам р. Сожи и Десны; северяне – на Десне, Сейме, Суле и Северном Донце; древляне – на Припяти и в Среднем Поднепровье; поляне – по среднему течению Днепра; бужане, волыняне и дулебы – на Волыни и по течению реки Буг; тиверцы у уличи – по берегам Дуная и у Черного моря.

Со слов византийских и арабских хронистов нам известно, что славяне «жили в жалких жилищах, на большом расстоянии друг от друга и часто меняли места своего жительства» (Прокопий Кесарийский). Эти сведения дополняет другой византийский автор – Маврикий. По его словам: «Славяне селятся в лесах, у неудобопрохоимых озер и болот, устраивают в своих жилищах много ходов вследствие встречающихся опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним не владеют и ведут жизнь бродячую…».

В том же духе описывал славянский быт и арабский историк Ибн Даста, утверждавший к тому же, что земля славянская лесиста, и что живут они по преимуществу в лесах.

Да и «Повесть Временных лет», как можно убедиться, в описании местностей, где жили славянские племена, также указывает на их «прибрежное» положение. Так, автор «Повести…» прямо указывает, что «радимичи и вятичи и север один обычай имяху – живут в лесах». В записях, относящихся к более позднему времени – к X веку, мы можем почерпнуть некоторые детали, характеризующие общий облик славянских поселений. Так, из описания похода Ольги против древлян известно, что у них имелись укрепленные поселения, состоявшие из отдельных дворов, включавших в себя, помимо жилых построек, также и ряд хозяйственных сооружений, таких как клети, амбары, погреба и др. Таким образом, как иностранные, так и отечественные письменные источники, хотя и кратко, но довольно согласно говорят, что славяне в интересующее нас время вели отчетливо оседлый образ жизни, причем местами их расселения были труднодоступные лесистые берега озер, рек и болот. Эти известия находят подтверждение в материалах археологических раскопок.

Остатки славянских поселений, расположенных в районе лесостепи и степи, где сохранялась постоянная угроза набегов кочевников, были укреплены не только естественными, но и искусственными преградами. Поселения окружались рвом с водой, параллельно рву возводился земляной вал. Сами поселения по размерам не превышали 0,5 га. Часто рядом с укреплением находилось неукрепленное поселение, являвшееся, очевидно, частью первого. В момент опасности укрепление становилось защитой для всех жителей поселения.

Славяне жили, как правило, в полуземлянках. Нижней частью ее служила прямоугольная яма размером в 10—12 кв. м, углубленная в землю в зависимости от рельефа местности до 1—1,5 м. Стены ямы облицовывались деревом. Это делалось в виде сруба или забора из бревен, укрепляемых по углам с помощью столбов. Крыша жилища делалась трех- или двускатной. Держалась она на столбах и на бортах ямы. Каркас ее был деревянный, а покрытие состояло из хвороста или камыша.

Неотъемлемой частью построек была печь. Почти всегда она сооружалась в одном из углов жилища. По форме она была кубовидной. Делалась из камня или глины. В некоторых случаях в жилых домах вдоль стен размещались лавки.

Наряду с жилыми постройками в раскопанных славянских поселениях обнаружено большое количество хозяйственных построек. Они также по большей части носят земляночный характер. Преимущественно это погреба-ямы, колоковидные в разрезе и овальные в плане. Меньше встречаются овальные и прямоугольные постройки.

Вопрос о хозяйственной деятельности славян накануне образования Древнерусского государства сегодня изучен достаточно полно. Из сообщений византийских хронистов мы знаем, что у славян были «поля», а также большое количество разнообразного скота и выращиваемых овощей. Среди археологических находок в славянских поселениях многое указывает на то, что основой жизни славян было земледелие. Так, найдены в большом числе сельскохозяйственные орудия, приспособления для охоты, рыболовства и лесных промыслов, а также продукты земледелия и скотоводства.

В нашем распоряжении сейчас есть не только земледельческие орудия и зерна злаков, а целые вещевые комплексы, включавшие сошники, мотыги, серпы, чресла и другой земледельческий инвентарь. Правда, это не целые сельскохозяйственные орудия, а лишь их металлические части, что естественно, ибо дерево плохо сохраняется. Однако совершенно очевидно, что все земледельческие орудия были плужного типа. А это значит, что в хозяйстве использовались тягловые животные: лошади или волы. Сейчас трудно сказать, какая именно система земледелия была принята у славянских племен. Первоначально это было подсечно-огневое земледелие, которое затем трансформировалось в перелог или двуполье.

Остатки костей домашних животных позволяют сказать, что в хозяйстве славян присутствовали коровы, свиньи, волы, козы и лошади. Древние славяне также активно пользовались результатами охоты и рыболовства. Судя по характеру костных остатков, основными объектами охоты были кабан, лось, медведь. На них охотились прежде всего из-за мяса. Этого нельзя сказать о бобре и кунице, на которых охотились для получения меха. Большое место в лесных промыслах играло бортничество. Возникло оно, очевидно, в VIII – IX вв. и имело широкое распространение среди славянского населения.

С сельским хозяйством тесным образом были связаны такие отрасли производства, как ткачество и прядение. О том, что прядение было широко распространенной отраслью хозяйственной деятельности говорят многочисленные находки пряслиц. Однако ни ткани, ни следов ткацкого производства при раскопках найдено не было.

Знали славяне и ремесленное производство. Среди его отраслей прежде всего необходимо выделить железоделательное производство и кузнечное дело. Печи для выплавки железа представляли собой круглые ямы конической формы. Глубина их сохранившихся частей достигает 40 см. Внутренняя поверхность печей покрывалась глиняной обмазкой, состоящей из трех слоев. Железные орудия труда говорят о том, что у славян было развито кузнечное дело. Судя по находкам, железные изделия имели широкое распространение в быту. Из него изготовляли и оружие, и различные хозяйственные мелочи: скобы, острия, долотья, кузнечные инструменты.

Наряду с железоделательным ремеслом у славян было широко распространена обработка цветных металлов – серебра, меди, свинца. Производство украшений велось в глиняных тиглях. Сырьем для древних ювелиров служили медные и серебрянные монеты византийского и арабского происхождения. До нас дошли такие ювелирные изделия, как литые серебрянные височные кольца, перстни, гривны и другие украшения.

Значительное место в хозяйственной деятельности населения занимало и производство глинянной посуды. Это кухонные горшки, сковороды, столовые миски и другие разновидности посуды. Некоторые типы сосудов имели орнамент. Как правило, это линейно-волнистый узор или следы палочек, обмотанных веревкой. Гончарного круга древние славяне не знали, поэтому в массе своей посуда была лепная, видимо, создававшаяся каждой семьей для себя.

Нарисованную картину жизни и быта славян нельзя считать законченной, если не будет дан ответ на вопрос о том, какой у них был общественный строй.

Первые и весьма краткие известия об этом мы черпаем в трудах византийских авторов. «Эти племена, – пишет Прокопий Кесарийский, – не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим».

Данная характеристика древних славян дополняется рядом частностей. Из описания славянских нападений на Византию мы узнаем о наличии у них племенных вождей и даже их имена: Пирагаст, Ардагаст, Мусокий. Некоторые из них в византийских хрониках именуются рексами.

Византийцы отмечают в славянском обществе наличие рабов. Правда, рабство это, судя по всему, развито слабо. «Находящихся у них в плену, – замечает византийский полководец и писатель Маврикий, – они не держат в рабстве, как прочие племена, в течение неограниченного времени, но ограничивая срок рабства определенным временем, предлагают им на выбор: желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там на положении свободных и друзей?»

Интересно, что такой вид рабства у славян возник не сразу, а по пути на Балканы. Тот же Прокопий Кесарийский пишет, например, что сначала славяне уничтожали всех, никого в плен не брали и лишь затем, «как бы упившись морем крови», стали брать в плен и потому уводили домой многие десятки тысяч пленных.

Характеризуя военный строй славян, все известные нам источники сообщают, что собственного боевого порядка у них не было, но каждый был вооружен. Византийский полководец Маврикий сообщал: «У каждого славянина есть два небольших копья, некоторые имеют также и щиты, которые, хотя и были прочны, но очень большие, из-за чего их было трудно перетаскивать с места на место. Помимо того у славян были небольшие луки со стрелами и особым ядом, которым они смачивали наконечники…»

Нарисованную картину дополняет Иоанн Эфесский, сообщавший, что, вступая в сражение, большинство славян не придерживались какой-то определенной тактики и шли на врага со щитами и дротиками в руках. Описывая движение славян на Балканы, он так характеризует образ боевых действий, к которому прибегали славянские воины: «Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар и холод, наготу и дождь, недостаток в пище. Сражаться они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью изобретая много разнообразных способов. Опытны они также в переправах через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они и пребывание в воде. Так что часто, застигнутые врасплох внезапным нападением, они погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные, большие, выдолбленные внутри камыши, доходящие до поверхности воды, а сами лежат навзничь на дне реки и дышат с помощью их».

О степени социального расслоения в славянском обществе говорят находимые в славянских землях клады. Обычно они содержат либо иностранные (чаще арабские) монеты, и иногда наравне с ними находят оружие и предметы утвари. Само по себе наличие кладов ничего не доказывает, но свидетельствует, что в славянском обществе существовал узкий слой людей, который знал цену деньгам и имел их в достаточном количестве, чтобы опасаться за их сохранность. А это косвенно подтверждает наличие социального расслоения в славянском обществе.

Политической основой союзов славянских племен являлись институты «военной демократии». Во главе этих союзов стояли князья, опиравшиеся на дружину, профессиональное «воинское братство», в котором князь был «первым среди равных». Княжеская власть – «вождество» носила еще догосударственный характер. Она была не столько привилегией и авторитарно-властным господством, сколько обязанностью и авторитетно-властным полно-

мочием. Наряду с князем и дружиной большую роль в управлении играли вече (народное собрание) и совет старейшин.

Накануне образования государственности славяне жили соседской общиной, в которой оформилась частная собственность. У каждой семьи было право на расчищенную землю – лядину. На Руси в то время сложилось предклассовое общество. Во главе стоял князь, которому подчинялись дружина и воеводы. Ниже шли мужи (главы патриархальных семей у которых было право участвовать в войске). Еще ниже шла челядь – это члены семей мужей и холопы, у которых такого права не было.

Интеграция территориально-племенных союзов восточных славян постепенно приводила к возникновению в середине IX века нескольких геополитических центров, среди которых выделялись на юге поляне (с центром в Киеве) и на севере словене (с центром вначале в Ладоге, а затем в Новгороде). Объединение этих центров привело к образованию такой новой организационной формы жизни общества, как Древнерусское государство с центром в Киеве.

Ну и наконец, чтобы закончить наш обзор доисторического состояния восточнославянских племен следует несколько слов сказать о северных соседях славян – варягах (они же норманны, они же викинги). Эти племена происходили из Северной Европы и считаются прямыми предками народов, заселяющих ныне Скандинавский полуостров. Прекрасные мореходы и воины, они с VI века на своих весельно-парусных судах – дракарах совершали дальние морские путешествия, основывая свои поселения на южном побережье Балтийского моря, на Британских островах, в Ирландии, Исландиии. А находки канадских археологов, обнаруживших в 60-х гг. XX в. на острове Ньюфаундленд целое поселение викингов, опровергает устоявшееся представление о том, что доколумбовые жители Европы ничего не знали о существовании американского континента. Буквально на днях эти находки были дополнены обнаружением еще одного поселения того же периода в другой части острова.

Совершали варяжские дружины и опустошительные набеги на славянские земли, уходя зачастую очень далеко от побережья вглубь Европы по рекам. Так, в VII – IX вв. варяги практически держали под своим контролем всю Прибалтику, побережье Финского залива, территории по берегам Ильменского и Ладожского озер. В византийских хрониках есть известия о том, что варяги доходили до Константинополя и даже предпринимали несколько попыток его штурма. Византийцы называли их «варангами».

Предваряя следующую главу, хочу отметить, что это соседство славянских и варяжских племен сыграло в IX веке важную роль в создании государственности у восточных славян.

Литература

Горский А. А. Политические центры восточных славян и Киевской Руси: проблемы эволюции // Отечественная история. 1993. №6. С. 157—162.

Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX – XII вв.). М., 1998.

Доватур А. И., Каллистратов Д. П., Шишова Н. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М., 1973.

Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Стриннгольм А. М. Походы викингов. М., 2002.

Глава III. Образование Древнерусского государства

Как и в большинстве других стран, история образования русского государства упирается своими корнями в легенду. Согласно ей, события в славянских землях в середине IX в. развивались следующим образом. Измученные постоянными междоусобными распрями, ильменские славяне, а вместе с ними соседние племена финнов, угров и меря постановили прислать своих представителей в Новгород, чтобы остановить войну и решить, наконец, как жить дальше.

Среди прочих ораторов на этом достопамятном новгородском собрании выделялся своими речами новгородский старейшина (согласно другим источникам – князь) Гостомысл, предлагавший собравшимся за отсутствием взаимоприемлемых для всех путей решения создавшейся ситуации своими силами, обратиться к северным соседям – варягам, дабы за неимением своих авторитетов, просить прислать своих правителей.

Эта идея получила у собравшихся живой отклик и в Скандинавию были посланы послы с соответствующим поручением, которое, согласно сообщению летописца, звучало так: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». На зов откликнулись три варяжских князя, братья Рюрик, Синеус и Трувор, которые согласно летописи пришли в славянские земли и поделили их следующим образом. Рюрик взял во владение Новгород с окрестностями (по свидетельству других летописцев – Ладогу), Синеус занял Белоозеро, а Трувор сел в Изборске. После смерти братьев, которая согласно летописи датируется 864 г., Рюрик унаследовал их владения и единолично правил славянскими племенами до 879 г. Причем по имени варяжского племени, к которому принадлежали братья-варяги, подвластные им славянские племена приняли имя Русь.

Однако историки не были бы учеными, если бы так легко приняли на веру все обстоятельства вышеизложенного летописного рассказа и не занялись бы его всесторонней проверкой. А вопросов, с которыми они столкнулись сразу же после начала этой работы, было великое множество. Например, кто были те варяги, столь охотно согласившиеся на призывы славян? Кем был в действительности досточтимый Гостомысл, определивший своим советом судьбы русской государственности на ближайшую тысячу лет? Откуда конкретно пришли варяжские князья в русскую землю и пр. И вот, сравнивая между собой сведения древнейших русских летописей, варяжских хроник, византийских и арабских источников, исследователи пришли к следующим заключениям.

Варяги, совершавшие в IX – XI вв. торгово-грабительские походы по всему северному побережью Балтийского моря, были частыми гостями и в славянских землях. Поэтому говорить о том, что первый раз славяне столкнулись с ними только в 862 г., по крайней мере, смешно. Мало того, сохранившиеся летописи свидетельствуют, что многие из известных нам сегодня славянских племенных вождей даже поступали к ним на службу. Так, незадолго до призвания варягов местная славянская знать, поступившая до того к варягам в услужение, подняла восстание против своих новых хозяев. С другой стороны, более искусные, нежели славяне, в мореходстве, ремеслах, военном деле и торговле, варяги несли с собой не только разрушения, но и новые знания и умения.

Нет ясности и по вопросу о том, кем был все-таки Гостомысл? По одним источникам – это легендарный новгородский старейшина, по другим – посадник или даже князь. По спискам более позднего (XVI в.) времени, он удостаивается славы основателя Новгорода. А в ряде других летописей ему приписывается и весьма древняя (в девяти коленах княжеская) родословная. По этим же данным у Гостомысла было три сына и три дочери. Сыновья погибли в войнах. Дочери же были выданы замуж. Причем одна из них, по имени Умила, была отдана за западнославянского (по другим данным – варяго-финского) князя. По изложению Иоакимовской летописи, Гостомысл перед смертью указал, что наследовать ему должен сын его средней дочери

Умилы, выданной замуж за варяжского князя. Этот сын и был Рюрик. Наиболее авторитетный источник того времени – «Повесть Временных лет» кратко сообщает, что князя было решено идти искать за море, к варягам.

Впервые научную разработку всего этого комплекса древнерусских легенд и сказаний предприняли члены недавно открытой Петром I Санкт-Петербургской академии наук Г. З. Байер, Г. Ф. Миллер и А. Л. Шлецер. Они попытались рассмотреть их через призму научно-рационалистической точки зрения, используя методы исторической и филологической критики старых русских летописей. Прочтя в исторических документах, которые они совершенно справедливо выделили как древнейшие, вышеописанную фабулу начала русской истории, они заключили, что коль скоро легенда о призвании варягов является старейшим сказанием в древнейших летописях, то она и наиболее адекватно отражает объективную истину. Таким образом, легенда о призвании варягов получила научную легитимность.

На основе этого заключения указанные ученые даже выдвинули специальную концепцию возникновения русской государственности, которая впоследствии получила название «Норманской теории». Для своего времени эта теория стала заметным фактом научной жизни и опиралась на передовые для своего времени методы исследования исторических документов.

Однако, помимо чисто научного содержания, в норманской теории присутствовал и вполне осязаемый политический контекст. Дело в том, что идея о привнесении в Россию государственного начала из Европы не имела первоначально уничижительного смысла для самосознания русской элиты, созданной петровскими преобразованиями. Петр I в своих реформах широко пользовался услугами иностранных специалистов в тех областях, где собственных не хватало или же не было вообще. Многие отрасли молодой отечественной промышленности, образования, культуры, государственного управления были созданы иностранцами или при их активном привлечении. Среди них было много немцев, которых, как известно, Петр очень привечал. Более того, создавая свою империю, первый русский император много сделал, дабы разрушить образ своей обновленной державы как преемницы Византии, желая занять достойное место в европейской истории. И здесь преемникам Петра на русском престоле, разделявшим эти его идеи, норманская теория, декларировавшая зримую связь русской государственности с европейской традицией, пришлась как нельзя кстати.

Однако более чем четвертьвековое засилье немцев на русском престоле в корне изменило отношение русского общества к идее европоцентризма. Уже дочь Петра I, императрица Елизавета Петровна, взошла на престол в результате дворцового переворота именно под лозунгами русского патриотизма и борьбы с иностранным засильем в жизненно важных отраслях экономики и управления страны. В связи с этим неизбежно возникали вопросы и к самой норманской теории.

Первым, кто публично обрушился с критикой на эту теорию, был наш известный просветитель и ученый-энциклопедист, первый русский академик Санкт-Петербургской Академии Наук Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765). Правда, он не был специалистом в области истории, хотя известно, что он ею очень интересовался, собирал древние летописи и был автором нескольких исторических сочинений, занявших свое почетное место в истории русской исторической науки. Тем не менее, мотивы его критики, как сейчас представляется, лежали за пределами сугубо научного спора. Для Ломоносова появление норманской теории стало не столько событием в развитии исторической науки, сколько посягательством иностранцев на изначально русские области знания. По его глубокому внутреннему убеждению, иностранцы уже в силу своего происхождения неспособны постичь скрытые механизмы, управляющие историей России. Отсюда в его критике столько едкой иронии и риторики, которая, увы, не подменяет профессионализма. И сейчас исследователи-палеографы подтвердят, что вычлененная А. Л. Шлецером «Повесть Временных лет» Нестора действительно является древнейшими летописным известием русской истории. Противопоставление же норманистам довольно

расхожей и поздней сказки о том, что основателем Руси был мифический князь Прус, который был потомком самого римского императора Августа, на фоне палеографической и текстологической аргументации норманистов кажутся довольно дилетантскими. Таковыми они, наверное, казались и членам академической конференции и в разгар знаменитых споров М. В. Ломоносова с норманистами.

Однако высказанный М. В. Ломоносовым скепсис все же не прошел для историографии бесследно. Сомнения в обоснованности норманской теории привели к тому, что ее противники кропотливо собирали факты, могущие если не опровергнуть, то, по крайней мере, посмотреть на нее с другой стороны. Так, более детальный анализ исторических документов показал, что у славян и до варягов существовали племенные союзы и объединения (см. предыдущую главу), которые также могли бы стать основой для формирования русской государственности, если бы кочевые орды не помешали этому. Кроме того, даже если и признать определенную заслугу варягов в деле создания русской государственности, то следует помнить, что, помимо русского, варяги основали государства в большинстве стран современной Северной Европы и даже Великобритании. Я не буду говорить о многочисленных государственных образованиях, не сохранивших свой суверенитет до наших дней (например, герцогство Нормандия, королевство Сицилия и др.). Таким образом, привнесение государственности на Русь варягами не является чем-то уничижительным, а представляет собой скорее распространенную практику своего времени. Ну и немаловажным аргументом против всеобъемлющего варяжского влияния на развитие русской государственности можно считать то обстоятельство, что варяжский элемент довольно скоро растворился в общей славянской массе. Не случайно же, если первые варяжские князья еще имели скандинавские имена, то уже внук Рюрика носил славянское имя Святослав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.